

18+

Г
К
Ц
У
Р
О
Д
Ж
И
Т
Р
И
И

ЛЕГЕНДЫ СЭНГОКУ
СТРАЖ СЕВЕРА

Легенды Сэнгоку

Дмитрий Тацуро

Легенды Сэнгоку. Страж севера

«Автор»

2019

Тацуρο Д.

Легенды Сэнгоку. Страж севера / Д. Тацуρο — «Автор»,
2019 — (Легенды Сэнгоку)

ISBN 978-5-532-03839-4

Япония, середина 16-го века, период сэнгоку-дзидай. Молодой даймё Нагао Кагэтора становится сюго - губернатором провинции Этиго, и слава о нём гремит далеко за её пределами. Его могущественные соседи тоже не дремлют и расширяют свои земли всеми доступными способами. Волею судьбы Кагэторе приходится встать на защиту обездоленных кланов и столкнуться с самыми опасными своими врагами.

ISBN 978-5-532-03839-4

© Тацуро Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Карты	5
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

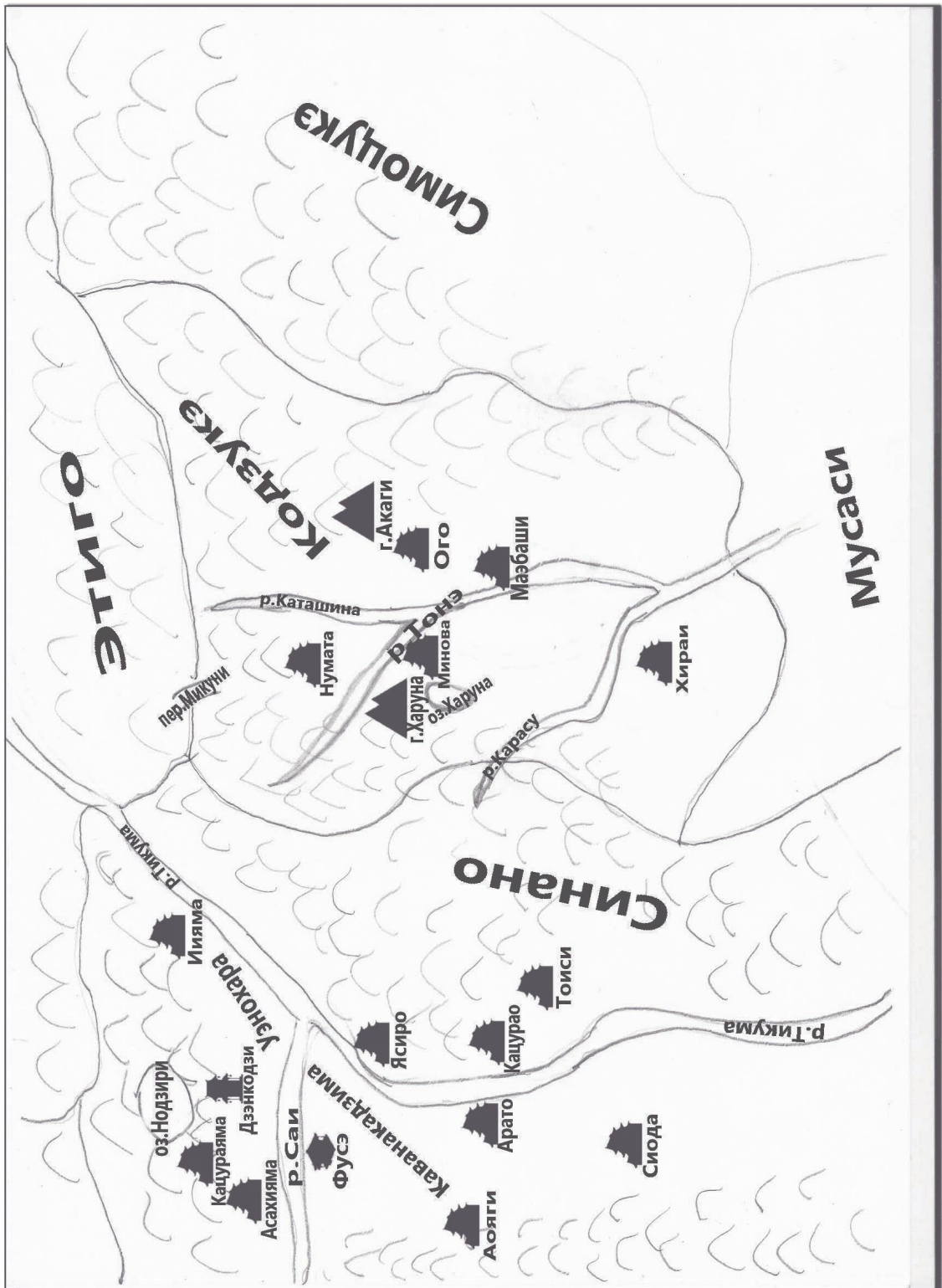
Дмитрий Тацуро Легенды Сэнгоку. Страж севера

Карты

Хиномото восток

Хиномото запад

Провинции Синано и Кодзукэ

Пролог

Чёрный дым клубился над черепичными крышами замка, охватывая плотными кольцами деревянные башни, полз вверх, устремляясь в багровые, предзакатные небеса. В главном дворе воздух пропитался запахом жареного мяса и горящего дерева. Иногда слышался свист стали, следом восторженные возгласы, явно мужские. На другой стороне главного двора, в противоположной от веселящихся мужей, раздавался женский плач, визг и причитания. Здесь было не весело. Женщины, из последних сил отбивались от настойчивых воинов в доспехах пытаясь найти укромный уголок, чтобы спрятаться до тех пор, пока этот ужас не кончится. Один из слуг, уже не молодой мужчина, который, видимо, не представлял интерес для мародёров, поднял свою поседевшую голову, взирая тревожным взглядом на главную башню. Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда последнее знамя бывшего хозяина, безжалостно срубили и бросили в костёр. Белое полотно с кандзи «ками» – «господин», заключённым в кольцо, мгновенно вспыхнуло ярким пламенем. Туда же, в этот костёр, отправлялись тела бывших защитников замка, тех немногих, оставшихся прикрывать отступление своего господина. Остальные же, сдались на милость победителя ещё до начала штурма, и им была дарована жизнь и место на службе у нового хозяина. Седой слуга видел всё это. Он не был, не воином, не оруженосцем. Он просто подметал главный двор замка изо дня в день, уже несколько лет. Но даже он не мог и подумать о том, что будет мести землю, по которой будет ступать нога нового хозяина. Верный своим принципам, слуга приблизился к огромному костру почти в плотную, так, что языки пламени слизывали кожу с его обнажённого по пояс тела. Он не желал мучиться, но и умирать как самураи, вспоров себе живот, было ему не по статусу. Слуга извлёк из-за obi небольшой нож, он стащил его на кухне, перед самым штурмом, и, спрятав свой страх глубоко внутри, перерезал себе горло.

– Неужели, этот Мураками был таким хорошим хозяином, что даже обычные слуги не могут вынести его позора и умирают за него?! – произнёс человек, стоявший на балконе тэнсю, наблюдающий как седовласый слуга безжизненно рухнул в костёр. Его маленькие, глубоко посаженные глаза бегло оглядели весь двор с высоты главной башни. Он был доволен увиденным результатом и его толстые, мясистые губы расплылись в широкой улыбке, а округлые щёки образовали глубокую ямочку вокруг большого носа. Широкую, массивную челюсть обрамляла аккуратно подстриженная борода, а над верхней губой красовались тонкие усы.

– Видимо, не достаточно хорошим. По крайней мере, большинство его вассалов сдались без боя. – ответил второй человек, находившийся рядом. В отличие от первого, плечистого и коренастого, этот был высок, немного худощав и не так доволен. Скуластое и чуть удлинённое лицо, выдавало в нём уроженца Синано, местного до мозга костей. А высокий лоб с залысиной, говорил о большом уме. Голос его звучал ровно и сдержано.

– Это всё твоя заслуга Юкитака! – первый, коренастый человек, по-приятельски хлопнул своей широкой ладонью по плечу скуластого, названного Юкитакой. – Если бы не твои уловки, нам бы пришлось ещё долго возиться с Мураками!

– О, Господин! – низко поклонился Юкитака. – Я не заслуживаю такой похвалы, я просто выполнял свой долг!

– Прекрати! – коренастый господин не сводил с лица довольной улыбки. – Я же знаю, что ты давно хотел отомстить Мураками за то, что он изгнал тебя из твоих же земель! Вот ты и отомстил! – голос господина был громкий и басистый, а в каждом слове звучали задорные нотки. – Теперь этот замок твой! Располагай здесь свой клан и сделай так, чтобы не один враг не прошёл мимо тебя!

– Харунобу-сама! Я у вас в вечном долгу! – Юкитака упал на колени и прикоснулся своим морщинистым лбом к половым доскам балкона. Он был вне себя от радости. После стольких лет вдали от дома, он наконец-то вернулся в родные горные края.

– Встань Юкитака! – приказал Харунобу. – Лучше подкрепи свои слова делом! Я намереваюсь захватить всё Синано, а твой талант и этот замок, прекрасный способ продвинуться дальше! – господин ткнул пальцем на север, где солнечный диск почти уже скрылся за пики высочайших гор Хиномото. – Вон туда мы пойдём, – до тех гор! А потом и за них! Кансукэ, ты знаешь, что там? – обратился он к третьему человеку.

Этот другой, был полной противоположностью Харунобу и Юкитаки. Весь в чёрном, от доспеха до куртки – дзинбаори. Ростом не превышал господина, да к тому же хромал на левую ногу, от чего постоянно опирался на трость. Лицо его было ужасным, создавалось впечатление, что по нему, всеми своими когтями, несколько раз ударил медведь. А отсутствие правого глаза, ещё больше подчёркивало мрачность этого человека. Кансукэ говорил мало, но всегда чётко и по делу. Его единственный глаз, жадно смотрел на горы, на которые указывал господин. Его взгляд был настолько тяжёл, что казалось, будто он готов в одно мгновение сравнять эти горы с землёй и всё, что за ними лежит, дабы его господин беспрепятственно прошёл по ним своей тяжёлой поступью.

– Кансукэ! – снова окликнул его Харунобу.

– Разумеется, знаю господин. – монотонно отозвался Кансукэ. – Там Этиго, а за ней море.

– Значит, мы скоро увидим море? – весело заключил Харунобу. – Почему ты такой мрачный? – господин подошёл к калеке и тоже хлопнул его по плечу. – Тебя, что-то тревожит?

– Мураками. – коротко отозвался Кансукэ.

– Но он повержен!

– Но не убит.

– Кансукэ прав господин. – поддержал Юкитака. – Его предали вассалы, но есть ещё родственники на севере.

– Кто они? – спросил Харунобу с пренебрежением.

– Таканаши из Ииямы. – ответил Кансукэ, переведя свой взгляд на господина. – А у Таканаши, есть родство с Нагао, которые сейчас управляют в Этиго. Так, что я не думаю, что Мураками успокоится и вот так просто сдастся.

– И что? Эти Нагао так сильны? – насмешливо возмутился Харунобу.

– Пока я ведаю только слухами. – Кансукэ опустил единственный глаз, не смея взглянуть на господина. Обычно, он знал все ответы на любые вопросы.

– И что говорит молва? – Харунобу не расстроился неточному ответу своего вассала, он вообще редко находился в унынии.

– А говорит она вот, что, – приготовился пояснить Кансукэ. – глава клана Нагао Кагэтора, к семнадцати годам возглавил свой клан, а к девятнадцати уже объединил всю провинцию. Помимо этого, бывшие сюго Уэсуги сложили с себя все полномочия управленцев и передали власть в руки Кагэторе, не имея с ним не каких родственных связей. К тому же я слышал, будто этот Кагэтора блестящий полководец, воин, да ещё и является посланником самого Бисямон-тэна. – Кансукэ взглянул на господина, ожидая его реакции. – Пока, – это всё.

– Вот как, Бисямон-тэна значит? – Харунобу задумчиво прищурил правый глаз и разгладил усы. – Что ж, раз в Этиго есть посланник бога войны, то у нас есть само порождение Дзигоку! Правда ведь, Кансукэ? – расхохотался Харунобу, снова хлопнув калеку по плечу. Тот, сею шутку на свой счёт, оценил лишь недовольной ухмылкой. Но, Харунобу вдруг посерьёзnel. – В любом случае, узнайте всё: куда направился Мураками, поможет ли ему Таканаши, и кто на самом деле этот Нагао Кагэтора!

Господин развернулся, чтобы уйти с балкона, но осёкся, увидев, как на тэнсю воздвигают его личное знамя, – на красном поле чёрный ромб поделённый на четыре части. Подул сильный северный ветер и знамя накренилось на южную сторону.

– Что это значит Кансукэ? – явление Харунобу явно не понравилось. Калека недобро прищурился.

– Мы скоро это узнаем господин...

Глава 1

Недовольный

1-й день месяца хадзуки 20-го года Тэнмон (1 августа 1551 г.) Замок Сакадо, Этиго.

Алые сполохи горящей ягура ярко отразились на гладкой, зеркальной стали, тонкого, изогнутого клинка. В тот же миг меч рванулся вперёд, описав дугу, он жадно впился в живую, человеческую плоть, насыщаясь свежей, горячей кровью. В этом бою он был не один, за ним всюду следовал его близнец, точно такой же, жадный до убийств. Оба клинка покоились в руках их извечного хозяина и являлись их продолжением. Воин, владеющий двумя длинными мечами с золочёными, квадратными цуба, был достаточно решителен. Вырвавшись вперёд и устранив троих недоброжелателей, он с силой толкнул ногой не до конца распахнувшиеся деревянные ворота, выбитые до этого, тараном. Оказавшись внутри крепости, он тут же оценил ситуацию. Враги не стали на него нападать. Вместо того, чтобы вытолкнуть мечника за ворота и завалить проход, они толпой сгруппировались в один цельный строй в самом центре главного двора. Один, правда, захотел по геройствовать. Спрятавшись за распахнутой воротинной, он дождался, когда обоерукий воин окажется к нему спиной и напал. Мечник словно почувствовал опасность. Резко повернувшись, он легко сбил занесённый для удара клинок врага к земле, одним из своих мечей, а вторым рубанул по отрывшейся шее. И вновь кровь обагрила землю, нетронутую войной уже не один десяток лет.

Воины, что стояли в центре двора, в ужасе смотрели на мечника, только что безжалостно прикончившего их соратника у ворот. Они выжидали, когда он подойдёт, чтобы скопом напасть на него, ведь по одиночке его было точно не взять. Ростом он был чуть выше среднего, в харамаки с коричневой шнуровкой, на голове шлем с золотым драконом, сидящем между кувагата, на верхней части тульи. Из-под устрашающей маски-мэмпо, закрывающей нижнюю часть лица, смотрели холодные глаза убийцы. Даже густые седые брови и морщины у глаз не выдавали в нём старика, двигался он лучше любого молодого воина, присутствующего здесь. Защитники замка боялись его. Их даже пробрала дрожь, когда он двинулся им на встречу уверенным шагом победителя.

– Фуджи-сама! – в воротах появился высокий худощавый воин, полностью облачённый в доспехи цвета золота и тоже с двумя мечами, только с длинным и коротким. – Вы решили в одиночку захватить замок? Дайте дорогу молодым!

Фуджисукэ не обернулся. Он знал, кто его окликнул. Этот голос он слышал с самого рождения его обладателя. Ясуда Нагахидэ, так звали воина в золотых доспехах, и он являлся учеником и воспитанником Фуджисукэ, а также сыном его гикёдай-названного брата. Но даже ему старик Фуджи никогда не давал поблажек, впрочем, как и всем остальным. Накадзё Фуджисукэ, для соратников Байхисай, был самым старым воином в армии Нагао, и, если молодые не могли угнаться за семидесятидвухлетним стариком, значит грош им цена.

Накадзё не ответил ученику, вместо этого он издал боевой клич и ринулся на толпу воинов Сакадо. Ясуда, видя, как старик начинает терять самообладание, кинулся к нему на помощь. За Нагахидэ последовали остальные воины, ворвавшиеся в замок.

Когда эти двое, Фуджисукэ и Нагахидэ, сражались рука об руку, им не было равных. Оба владели одновременно двумя мечами и оба слыли искусными воинами. Враги ничего не могли противопоставить этим двум, кружащимся стальным вихрям. Их мечи разили быстро и точно. Особенно клинки Ясуды, имеющие заострённые расширения чуть выше цубы, от чего раны, нанесённые ими, становились особенно серьёзными.

Их кровавая пляска почти закончилась, когда в главном дворе появилась ещё один отряд воинов во главе с круглолицым самураем в высоком чёрном шлеме, напоминающим шапочку эбоши.

– Северяне сильно увлеклись! – насмешливо произнёс он, увидев резню, учинённую Накадзё и Ясудой. Приказав своим воинам ждать, он с ожидающим видом сложил руки на груди и стал наблюдать за бойней.

– Остановитесь! Довольно! – послышался громкий голос со стороны врагов.

Бой утих. Нагахидэ кое-как сумел отволочь старика Фуджи от, терпящего сокрушительное поражение, противника. Два противоборствующих отряда встали друг напротив друга, – целёхонькие воины Накадзё и Ясуды и практически истреблённые защитники Сакаато.

Пройдя сквозь строй, вперёд вышел хозяин замка и, собственно зачинщик всего этого беспорядка. Ему и принадлежал голос, остановивший битву.

– Хватит крови! – произнёс Уэда Масакагэ. – Я сложу оружие и понесу наказание, каким бы оно ни было!

– Трус! – взъерепенился самурай в высоком шлеме. – Ты поднял это восстание, всполошил всю провинцию, а теперь намерен сдаться! И после этого ты называешь себя человеком чести? Умри достойно!

– Не вам говорить мне о чести господин Кагэнобу. – вежливо ответил Масакагэ, несмотря на яростные порывы своего противника. – Ваш клан не одно поколение приспособивался к победителям, ровно, как и вы. Мы же, Уэда-Нагао, следуем законам вассальной преданности и не изменим им никогда! Пусть даже будем противостоять всем провинциям одновременно!

– Высокие слова, но в них нет мудрости. – Фуджисукэ, очнувшись от захлестнувшего его боевого пыла, обрёл дар речи. – Они больше подходят упрямому и глупому храбрецу-одиночке, а не главе целого клана.

Масакагэ бросил неоднозначный взгляд на Накадзё. Старик говорил верно и Уэда, даже был с ним согласен. Но, клятва, данная его отцом, ложилась тёмной печатью на душу Масакагэ. Уэда-Нагао, много лет назад поклялись в верности Уэсуги, а значит, будут служить им и только им. Молодой хозяин Сакадо чтит этот обет, и не при каких обстоятельствах не мог его нарушить. Пусть даже весь его клан погибнет, но зато погибнет с честью.

– Я сдаюсь! – снова повторил Масакагэ, обратившись к Кагэнобу, назначенным командующим штурмом замка Сакадо. – Заберите меня, а моих людей отпустите.

– Хватит болтать! – рявкнул Кошин Кагэнобу, разозлённый его словами. Он подошёл ближе к Масакагэ. – Ты умрёшь здесь и прямо сейчас, вместе со своими людьми! Я вырежу этот мерзкий нарост на теле клана Нагао! Вы все окончите своё существование сегодня и будете погребены под обломками своего же замка! – Кагэнобу выхватил из ножен меч и направил его на Уэда.

– Не делайте этого Кагэнобу-сан! – воскликнул Накадзё. Ему было противно смотреть как Кошин, в порыве своего невежества, пытается решить проблемы давней вражды их кланов. К тому же, Фуджисукэ так же сдерживал себя, от того, чтобы мгновенно не снести голову этому надутому самураю. Ему приходилось обращаться к нему с уважением, от части, из-за того, что он двоюродный брат Кагэторы, а от части, из-за его должности командующего.

– Это почему же? – глаз Кагэнобу нервно подёргивался озадачено глядя на старого воина. – Он изменник и подстрекатель! Пусть умрёт на глазах у всех, дабы послужить уроком для тех, кто вздумает бунтовать! – Кагэнобу замахнулся. Его клинок со звоном опустился на что-то металлическое. Кошин расширил глаза от недоумения вперемешку с возмущением. Перед ним стоял Ясуда, защитив Масакагэ своим наручем. – Как ты смеешь северянин! – взорвался командующий. – Ты поднял руку на брата сюго!

– К вашему сведенью Кегэнобу-сама, – Нагахидэ соорил такое лицо, будто рассказывает какую-то буддийскую притчу. – Масакагэ-сан тоже является братом нашего даймё. А ко всему

прочему, ещё и женат на его родной сестре. И я считаю, он не одобрит поступок, который вы собираетесь совершить.

Кагэнобу хищно оскалился, заскрежетав зубами, но клинок опустил, нервно бросив его в ножны. Вскоре, за воротами началась, какая-то возня и слышались возгласы воинов, что находились за стенами замка.

– Сюго! Господин Кагэтора! Он едет сюда!

Накадзэ лукаво улыбнулся, глядя сияющим взглядом на Кагэнобу. Тот отвернулся поёжившись. По его мнению, радостный взгляд старика Фуджи более походил на ликования счастливого демона Дзигоку, у которого вот-вот свариться очередная человеческая жертва в его огромном котле. Кошин гордо поднял голову и пошёл к воротам, более, не обращая внимание не на кого из присутствующих.

Кагэтора ехал в сопровождении четырёх сотен воинов. Он хотел поспеть до начала штурма, но дороге ему перекрыл внезапно обвалившийся мост. Местные жители вылезали из своих укрытий, чтобы хоть одним глазком увидеть их нового повелителя и того, кто объединил провинцию несколько лет назад. Никто ещё из южной Этиго не видел главу клана Нагао, поэтому каждый, от босоногих детишек до согбенных стариков, проявляли неподдельный интерес.

Кагэтора был молод, высок и широкоплеч. Минувшей зимой ему исполнилось двадцать два года. Лицо его было гладко выбрито. Голову он держал ровно, не опуская, и не вздёргивая, как это было присуще многим его самураям. Прямой, не широкий нос, густые брови и твёрдый, невозмутимый взгляд, предавали ему вид зрелого мужа. Длинные чёрные волосы, не покрытые ничем, развивались на ветру при неполной рыси его коня. Облачённый в коричневые доспехи-могами с красной шнуровкой, он, не глядя по сторонам, пронёсся по дороге к замку Сагато.

– Это сюго! Сам господин Кагэтора! А он красивый! Какой строгий... – подобные слова слышались отовсюду. Хотя, совсем недавно, соглядатаи Усами Садамицу докладывали князю Нагао совсем иные слова, происходившие с юга Этиго. Именно отсюда. Люди сетовали, что Нагао снова захватили власть в провинции. Мол, раньше они хотя бы пользовались марионетками из Уэсуги и числились лишь помощниками, а теперь, вконец обнаглев, вообще изгнали своих господ и сами стали править без всяких там подсадных сюго. Кагэтора теперь, в глазах южан выглядел ещё хуже своего узурпатора отца и тирана брата. А начался это беспорядок полтора года назад, зимой, после новогодних праздников, когда престарелый сюго Уэсуги Сададзанэ скончался в своей постели, не оставив после себя наследников. Тогда, ещё до смерти сюго, состоялась церемония, на которой, ныне покойный публично признал Нагао Кагэтору своим приемником. Назначение, заранее было заверено в столице сёгуном и лично Императором. Недовольных была масса, но не большинство. Особенно протестовали; клан Уэда-Нагао и Ямаёши Масахиса, главный советник бывшего сюго. Вскоре, Уэсуги Сададзанэ отправился в круг перерождений и волнения усилились. Кагэтору называли кем угодно – узурпатором, тираном, захватчиком, но только не освободителем и героем. В итоге, в нынешнем году, Уэда восстали и подняли под свои знамёна всю южную часть Этиго. Собрав армию, они напали на Точио и закрыли все проходы к южным соседям, что весьма усугубляло положение торговцев и паломников. Хондзэ Ёшихидэ, хозяин Точио, смог легко организовать оборону, хотя и потерял часть призамкового города. Его соседи, Кошин Кагэнобу, люто ненавидящий Уэда и Сайто Томонобу, вовремя привели свои отряды на подмогу. Вскоре подоспел и сам Кагэтора, а после подтянулись и северные войска под началом Накадзэ и Ясуды. Уэда не осталось другого выбора, как отступить и попятаться по своим норам.

Дальше, Кагэтора отправился бить союзников Уэда а главную их вотчину, замок Сакадо, поручил заботам своего двоюродного брата Кошин Кагэнобу, строго наказав ему, – сначала вывести Айю, сестру князя, а потом штурмовать замок, но так, чтобы его хозяин остался жив. Так и поступили. Уэда Масакагэ, не надеясь удержать замок, выдал свою жену и четырёхлет-

него сына армии противника и приготовился умирать. Кошин тут же, отправив Айю в Касугаяму, пошёл в атаку. Первое сражение состоялось на реке Уоно. Защитники Сакадо, упрямо сопротивлялись, не давая преодолеть противнику водную преграду. Но потом, когда за их спинами полыхнула смотровая башня-ягура, они отступили за ворота замка. Оказалось, пока Кошин пытался с боем перейти реку, старик Накадзё в одиночку зашёл в тыл и запалил башню, что дало его армии вплотную подойти к стенам Сакадо. А дальше было всё просто, перестрелка, штурм, пробивание ворот тараном и, наконец, замок был взят.

Кагэтора второпях спрыгнул с коня во дворе замка. Узрев, что его армия находится в приподнятом настроении, а защитники Сакадо пленены, он подозвал к себе Кагэнобу. Тот, быстро добежав до своего князя, упал перед ним на колени.

– Приветствую вас господин! – надрывая глотку, выкрикнул Кошин как можно громче. – Всё исполнено, как вы и велели!

– Где Айя? – Кагэтора даже не посмотрел на своего брата, а лишь озирался по сторонам, ища свою сестру.

– Её вывели до начала штурма! – торжественно заявил Кагэнобу, поднимая голову. – Амакасу-сан сейчас везёт её в Касугаяму! Он оказался единственным, с кем она захотела поехать.

– Как она вела себя? – Кагэтора был озабочен, хотя виду и не показывал. Все-таки, он сражался против её мужа.

– Достоин! Без плача и криков! – эти слова Кошин произнёс с большой выразительностью. – За всю жизнь я не встречал столь невозмутимых женщин!

Кагэтора одобрительно кивнул. Кагэнобу пригласил его пройти в главную башню, чтобы, наконец, занять место хозяина и свершить судьбу рода Уэда-Нагао. Но князь Нагао отказался. Он не желал восседать на чужом помосте, как это часто делали победители-захватчики. Кагэтора приказал подать ему походный стул, на котором он и устроился у главных ворот.

– Докладывай, как прошёл штурм? – приказал даймё.

– Мы обошлись без потерь! – аккуратно начал отчёт Кагэнобу, поведение князя его настораживало. – Лишь немного раненых. Мы подошли к стенам, убив несколько защитников, и пробили ворота тараном.

– Как вы перебрались через реку без потерь? – уточнил Кагэтора. – Или Масакагэ сразу спрятался за стены, не попытавшись остановить вас?

– Нет, он пытался сопротивляться. Но, пока мы сражались на переправе, – Кагэнобу бросил недовольный косой взгляд на старика Фуджи. – Накадзё пробрался в тыл и поджёг смотровую башню. Масакагэ подумал, что мы уже пробрались в замок и бросился его защищать. Так же, Накадзё был первым, кто ворвался в Сакадо, перебив несколько защитников. А потом, Масакагэ не пожелал сражаться и сдался. – похвалив Фуджисукэ прилюдно, Кошин надеялся, что инцидент с его порывом убить хозяина Сакаоо не всплывёт наружу. Он постоянно поглядывал на старика, но тот, сняв шлем, лишь отвечал Кагэнобу насмешливым взглядом.

– Молодец Накадзё! – громко похвалил старика Кагэтора и обратился ко всем своим воинам. – Стыдитесь! Этому человеку перевалило за семьдесят, а он сражается лучше вас, которым в большинстве и тридцати нет!

По войску, заполонившему двор замка, прокатились негодующие возгласы.

Потом Кагэтора приказал подвести ему Масакагэ. Ясуда Нагахидэ, принявший ответственность за пленника на себя, подвёл его к своему даймё и посадил на колени. Уэда держался достойно. В его глазах не было сожаления, но и для ненависти к его покорителю, места тоже не было. Кагэтора смерил его своим непоколебимым, тяжёлым взглядом, но Масакагэ выдержал, хоть и с большим усилием.

– Зачем ты поднял это восстание? – коротко задал вопрос князь Нагао.

– Ты узурпировал пост сюго, взял всю власть на себя и погубил дочь Сададзанэ-самы, единственную, кто могла бы родить внука-наследника! – бесцеремонно выпалил Масакагэ. – Ты клялся, что не повторишь жалких попыток своего отца захватить власть, клялся, что восстановишь клан Уэсуги, которому мы, Нагао, должны верно служить! Все твои слова были ложью! Ты такой же, как и твой отец, – предатель своего господина и жаждущий власти лицемер!

Масакагэ хотели ударить все, но Ятаро, находящийся всё это время за спиной своего даймё, с кошачьей ловкостью опередил их. Одним ударом своей громадной ноги он отправил Уэда в толпу, стоявших за ним воинов. Ясуда едва успел отскочить, а гигант уже схватил одной рукой пленника за шею, поднял над собой и хотел приложить его головой об землю, чтобы разmozжить череп, но Кагэтора резко окликнул:

– Ятаро стой!

Голос господина действовал на великана словно магия. Ятаро не стал делать то, что задумал мгновение назад, но всё равно гневно бросил Масакагэ обратно к ногам господина.

– Я не собираюсь перед тобой оправдываться. – спокойно произнёс Кагэтора, глядя на Уэда, лежащего перед ним в пыли. Никто не мог сейчас сказать, разлили ли его слова хозяина Сакадо или позабавили. Князь Этиго, как свойственно ему одному, находился в полной бесстрастности, что многих зачастую пугало. – Но, всё, что ты сейчас сказал – неправда. Я действительно стал сюго вопреки всему, о чём говорил раньше. Я не желал этого, но люди Этиго попросили меня о том. Я объединил провинцию, чтобы все жили в согласии друг с другом; выращивали рис, отмечали праздники, пили сакэ и сообща сражались против тех, кто этот мир нарушит. Ты стал нарушителем и снова вверх Этиго в междоусобицу.

Масакагэ вздернул голову, взглянув на Кагэтору. Теперь он не мог выдержать его взгляд, слёзы сами собой блеснули в уголках его глаз. Уэда с самого начала был против этого восстания, но старейшины клана распорядились иначе. Посетовав на то, что молодой и неопытный Масакагэ должен чтить заветы своего отца, они вынудили его взяться за оружие. Пусть даже это шло вразрез с его личным мнением. И сейчас, сидя перед новым сюго, он мог оправдаться и снять с себя хотя бы часть вины, но не таков был Уэда Масакагэ. Пусть он умрёт, но не когда он не начнёт молить о пощаде, растапывая свою честь в пыли собственного замка.

– Я не отказываюсь от своих слов. – продолжал Кагэтора, наблюдая, как Масакагэ ведёт внутреннюю борьбу со своим упрямством. – Если найдётся хоть один достойный человек из клана Уэсуги, я сложу с себя полномочия сюго и отдам ему власть. Но, пока такого человека нет, я буду защищать Этиго, эту северную землю, мой дом, ценой своей жизни от всякого, кто вознамерится осквернить её. – князь Нагао встал со стула. Вид его был мрачен. Не кто не мог выдавить и слова, даже Масакагэ, который недавно всю распался в оскорблениях.

– Кто пленил этого человека? – спросил Кагэтора, указывая на Уэда. Кошин хотел было открыть рот, но Ясуда опередил его.

– Я господин! – Нагахидэ вышел вперёд и поклонился.

– Прекрасно. Ты поведёшь его в Касугаяму и посадишь под арест на месяц. Ограничь его от всяких посещений. Приставь к нему только одного слугу, который будет приносить ему лишь пищу и сменную одежду. Никто без моего разрешения не должен навещать его или передавать устные и письменные послания. Ровно через месяц, я вынесу ему приговор.

Ничуть не переменявшись в настроении, Кагэтора вскочил на лошадь.

– Господин! – заикаясь окликнул князя Кагэнобу. – Что делать с Сакадо?

– Никого не убивать и не грабить! Взять под наблюдение! Пусть живут, как жили, но в течении месяца, чтобы не один не покидал пределы замка! – Кагэтора развернул коня и выбивая из-под копыт пыль, поскакал прочь, оставив всех в напряжении.

* * *

3-й день месяца хадзуки 20-го года Тэнмон (3 августа 1551г). Касугаяма, Этиго.

Кагэтора вернулся в замок утром второго дня, а остальная армия на день позже. Раздав распоряжения по подготовке к пиру и награждению, отличившихся в битвах воинов, даймё отправился в святилище Бисямона, дабы вознести ему молитвы о дарованной победе над мятежниками. За всё это время, Наоэ Кагэцуна, главный управленец Кагэторы, пытался не допустить Айю к князю. Та, в свою очередь, неустанно искала встречи со своим младшим братом, что даже прождала его в приёмной замка целых шесть часов. В конце концов, Наоэ угорил её отправиться в своё поместье и отдохнуть, заверив, что она встретится с Кагэторой на праздновании в честь победы.

Пир состоялся вечером третьего дня, когда все вассалы собрались в главной зале тэнсю Касугаямы. Перед началом празднования, князь Нагао подвёл итоги минувших месяцев боевых действий и раздал награды. Самые щедрые вознаграждения получили; Кошин Кагенобу – за хорошую организацию войск и захват Сакадо, Хондзё Ёшихидэ – за удачную оборону Точию и Накадзё Фуджисукэ – за бесстрашие и проявленный героизм во время штурма замка клана Уэда. Все были довольны. Только лишь Кошин оставался мрачен и в последующем веселье участия не принимал, оставаясь в стороне от всех и опрокидывая одну за одной чарку сакэ. Кагэтора тоже оставался безучастным. Вместо этого, он молча наблюдал за своими вассалами и к сакэ, практически не притрагивался. Хотя он и был добр к своим слугам, устраивая для них пышные пиры и раздавая щедрые награды, сам такие роскошества избегал, полагая, что они портят человека, делая его зависимым от суетного мира. Он рассмотрел каждого, кто присутствовал на пиру.

Какидзаки Кагэиэ, рвал глотку своим хриплым, но громким голосом, похваляясь очередными победами. Несомненно, он был одним из храбрейших воинов Этиго. Прекрасный наездник, копейщик и весельчак, но слишком жаден до битв, что иногда это граничило с чрезмерной жестокостью, к тому же, он слишком много пил. Порой, его приходилось утихомиривать целому отряду стражников и силой выносить с пирушки. Окума Томохидэ, тоже отменный воин, но, слишком скрытен. Иногда, Кагэторе казалось, что настанет день, когда Окума создаст ему кучу проблем и князь Нагао пожалеет, что не прогнал его тогда, когда он с помощью его брата Кагэясу, пытался захватить Касугаяму и прийти к власти, но проиграл и побитый, пришёл к Кагэторе. Ещё одним выдающимся воином был Китадзё Такахиро, в поединке на мечах которому, практически не было равных. Но, его любовь к золоту и роскошным одеждам отталкивала князя. Ведь если кто-то другой предложит ему больше богатства, чем даёт ему его господин, он может и переменитьсь. Ко всему прочему, Китадзё был слишком кровожаден.

Кагэтора перевёл свой взгляд на другую сторону залы. Здесь никто не хвастался своими достижениями, зато смеялись хором, едва ли не громче, чем кричал Какидзаки. Наоэ Кагэцуна, первый весельчак и сквернослов, рассказывал о своих похождениях в весёлые кварталы и ночные вылазки к чужим жёнам. Несомненно, князь считал Наоэ одним из лучших своих вассалов. Кагэцуна разбирался во всём; в строительстве, в налогах, в торговле, в отношениях с соседними провинциями и ещё во многом. Но, ко всему этому, был абсолютно не серьёзен, что Кагэтора начал подумывать о том, как бы поудачней женить Наоэ, ведь ему уже стукнуло сорок три года, а наследников у него до сих пор нет. Рядом сидели два друга детства князя. Хотя второй, в юные годы, больше был соперником, чем товарищем. То были Амакасу Кагэмочи и Сайто Томонобу. Они не слушали рассказы Наоэ, зато постоянно о чём-то спорили. Мир их не брал ещё со времён похода на Садо, когда они поссорились из-за одной необычной особы. Теперь эти двое всюду пытались обойти друг друга. Амакасу пытался вовсю поддразнить Кагэторе, что даже начал тренироваться как он, и в каждом сражении выкладывался в полную

силу, чтобы показать свои безупречные, как он считал, навыки боя. Сайто же, считал его глупцом и наглядно показывал, что он превосходит Кагэмочи во всём; в уме, в навыках и даже в управлении кланом.

Не далеко от них, расположились Накадзё Фуджисукэ и его ученик, Ясуда Нагахидэ. Кагэтора восхищался их умением сражаться сразу двумя мечами и отвагой, с которой они шли в бой. Но, даже у них были свои недостатки. Старик Фуджи, несмотря на свой возраст, всюду пытался доказать, что он, в свои года, во всём превосходит всех молодых воинов, которые есть в Этиго. Это, конечно, вызывало восторг, но в тоже время порождало зависть и ненависть, что рано или поздно, могло привести к дурным последствиям. Ясуда же, когда не находился на поле боя, становился совсем другим. Такого напыщенного, самолюбивого и надменного человека ещё не встречалось среди вассалов Нагао. Нагахидэ на всех смотрел свысока, считал себя едва ли не самым умным и культурным, причём тыкал этим в глаза другим, а то и вовсе не считал нужным снизойти до внимания к остальным. Такое его поведение, вызывало немало перешёптываний за его спиной.

Кагэтора опустил голову, задумавшись. Несомненно, у всех этих достойных людей немало достоинств и недостатков, собственных целей, противоречий, все они кого-то любят и ненавидят, ведь поэтому они и являются людьми. Даже у него самого, Кагэторы, с его набожностью, стремлением к миру и обострённым чувством справедливости, наберётся немало тёмных пятен в душе. Возможно, даже больше, чем у всех их, вместе взятых. Даже сейчас, когда встал вопрос о судьбе Уэда Масакагэ. Князь Нагао даже представить не мог, какой приговор он вынесет мятежнику через месяц. Если он прикажет его казнить или изгнать, это непременно испортит его отношения с любимой сестрой. А если помилует, это вызовет недовольство среди вассалов. Кагэтора тут же бросил пронзительный взгляд на Кагэнобу.

Кошин по-прежнему хлестал сакэ, не обращая внимания на царившее вокруг веселье. Князь Нагао знал, почему так недоволен его двоюродный брат. Всё из-за давней вражды Уэда-Нагао и Кошин-Нагао. Уэда считали себя истинными вассалами Уэсуги, которые должны были править Этиго. Кошин же, принимали сторону Тамэкагэ, отца Кагэторы, которых Уэда считали предателями, узурпировавшими власть. Не нужно гадать, что Кагэнобу желал смерти Масакагэ и отсрочка казни в корне его расстроила.

«Был бы здесь Усами! – подумал Кагэтора. – Он бы дал дельный совет.» Впервые, князь Нагао посчитал себя беспомощным без наставлений своего советника и стратега. Усами Садамицу сейчас отсутствовал в Этиго, улаживая конфликт с северным кланом Ашина из провинции Ивасиро, которые пытались поддержать восстание Масакагэ но, вовремя отступили, узнав о его поражении.

Объявив всем, что он притомился, Кагэтора покинул пиршественный зал и отправился в святилище. Несмотря на праздник, стража Касугаямы была вдвое бдительней обычного. Под началом грозного воина Ятаро, они не то, что не пытались увильнуть от службы, но даже перестали спать на ночных дежурствах. Страх перед гигантом-начальником, даже заставлял их видеть в темноте и бесшумно передвигаться по коридорам замка.

Выйдя из тэнсю, Кагэтора пошёл в западную часть главного двора. Там и находился вход в его новое святилище Бисямон-тэна, которое обустроил для него Наоэ. Для всех жителей замка, оно выглядело как обычный, личный храм господина, посвящённый его кумиру, но для Кагэторы и Наоэ, это была самая настоящая сокровищница.

Дело в том, что пару лет назад, в Этиго произошло землетрясение, от чего, небольшой ручеек, протекавший на западном склоне горы Касуга, превратился в самый настоящий водопад, под которым, образовалась достаточно просторная пещера. Рабочие Наоэ Кагэцуны, нашли эту пещеру и доложили своему хозяину, а тот, в свою очередь, сообщил даймё. Кагэтора тут же предложил своему управляющему сделать из пещеры уединённое святилище ками войны. Наоэ задачу понял, но пошёл дальше. Обставив всё для религиозных воздаяний сво-

его господина, он разработал тайную комнату куда, впоследствии, стали свозить часть золота с добытых рудников Этиго и Садо и некоторые ценные вещи, в том числе, редкие доспехи и оружие, которые изволил коллекционировать князь Нагао.

Кагэтора почти дошёл до входа в храм, как его окликнули. Князь даже не стал оборачиваться. Его, не совсем хорошее, настроение испортилось ещё больше, когда он узнал голос, позвавший его. Он остановился и стал ждать, когда обладатель знакомого до боли голоса подойдёт поближе.

– Конбанва братец! – подойдя, поприветствовала Айя.

– Добрый вечер сестра! – ответил Кагэтора. Он обернулся и поклонился. – Почему ты ходишь одна в столь позднее время?

– Только не говори, что с возрастом ты утратил прозорливость? – парировала женщина. Голос её был спокоен, но в нём без утайки, присутствовали нотки укора. – Ты знаешь, зачем я здесь. А если нет, то Наоэ наверняка просветил тебя.

– Ты права. – согласился Кагэтора. Он смотрел в сторону, не глядя в глаза сестре. – И, тем не менее, я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать?

– Что ты намерен сделать с моим мужем? – прямо задала вопрос Айя.

– Он мятежник и будет наказан. Я оглашу приговор через месяц, в первый день месяца нагацуки.

– Это не меняет моего вопроса. – настойчиво сказала женщина. – Я не осуждаю тебя за действия против Уэда, но пойми, мой муж хороший человек. Да, он упрям, но он свято верит в воинские добродетели; верность господину, сыновнюю почтительность, мужество, честь! Он чтит клятву, данную его отцом клану Уэсуги! Разве это не заслуживает уважения?

– Я всё это знаю. – ответил Кагэтора. – Но, всё что он чтит, противоречит порядку, установленному мной.

– Так значит, ты действительно считаешь себя полноправным властителем Этиго? – поразила Айя, услышав слова брата.

– Сестра, ты цепляешься к словам. – Кагэтора бросил на неё недовольный взгляд. Впервые в жизни он почувствовал, что разозлился на свою старшую сестру. Ту, которую любил, наверное, больше всех на свете. – Я не собираюсь оправдываться не перед тобой, не перед твоим мужем, или ещё кем либо, кто назовёт меня узурпатором! Если ты помнишь, то я никогда не стремился ни к этой власти, ни к войне, но я пошёл на это ради вас, людей Этиго! И вы же, теперь осуждаете меня за это! Загляните себе в душу и решите, что вам действительно нужно! Я сказал Масакагэ то, что хотел! Теперь, пусть посидит и подумает, чего он на самом деле желает! Его судьба, теперь, зависит только от него самого! А до этого, не одна душа не посетит его, будь то его жена или сам предок его рода.

Айя смотрела на брата в недоумении. Она ещё никогда не видела его таким разгорячённым. Кагэтора же, проклинал себя за то, что говорил с ней на повышенных тонах. Но, он не собирался извиняться, пусть она теперь знает, что он уже не её послушный братец, а взрослый мужчина, на котором весит тяжкое бремя власти. Сейчас, как бы он этого не хотел, он не сможет по первому её слову помиловать Масакагэ. И не потому, что этого не одобряют вассалы, а потому, что так надо, он так решил.

– Я поняла тебя брат. – Айя поклонилась Кагэторе. – Я ошиблась, думая, что власть тебя настолько изменила. Всему виной глупые рассказы и слухи, распускаемые завистниками. Теперь я вижу, что ты не сделаешь ничего такого, что могло бы идти вразрез с твоими убеждениями. Я буду терпеливо ждать твоего решения, каким бы оно ни было. – ещё раз поклонившись, женщина оставила своего брата наедине с собой.

Кагэтора стоял как вкопанный. Волнение закралось в его сердце. Он понял, что стал более эмоционален, чем был раньше. Мысли о том, что люди не пытаются его понять, начали одолевать его большим напором. Решение пришло, само собой. Он быстро спустился в своё свя-

тилище, разделся до набедренной повязки-фундоси и устремился к выходу из пещеры. Тому самому, который закрывал бурный поток, низвергающегося с горы водопада. Мгновение и его обнажённое мускулистое тело обдало холодным, неистовым потоком воды, охлаждая его разбушевавшийся разум. Кагэтора стоял прямо, будто мощное давление падающей с высоты воды, и вовсе его не касалось. Постепенно его сознание успокаивалось, а душа, словно отделилась от тела, воспарив высоко над Касугаямой.

Глава 2

Приговор

Месяц хадзуки 20-го года Тэнмон (август 1551). Окрестности замка Саругэ, Этиго.

Лай собак раздавался и зарослей кедроча, и постепенно приближался к охотникам. Кагэтора приготовился, вынув две стрелы из колчана, одну сжал в кулаке, другую приготовил положить на тетиву длинного лука-юми.

– Господин! – послышался волчий рык Какидзаки, заглушая даже лай его своры. – Они гонять его прямо на нас! Приготовьтесь!

Кагэтора кивнул. Он был готов, как и всегда, к тому же, это была уже не первая его охота. После объединения провинции он уже успел подстрелить зайца, завалить кабана и даже поучаствовал в соколиной охоте, столь любимой Усами. Но, сегодня Кагэиэ приготовил для него оленя, столь благородного, что любой охотник будет горд, заполучив себе его рога.

Лай слышался всё ближе. Охотники стояли с подветренной стороны, поэтому олень, затравленный сворой псов, не мог их учуять и сменить направление для бегства. Да и Какидзаки, заядлый охотник, знал своё дело. Он был больше, чем уверен, что зверь выбежит прямо под стрелу даймё. Так и случилось.

Олень вылетел из-за кедровых стволов прямо перед Кагэторой и на мгновения замер, оценивая ситуацию и ища новый путь побега. Высокий, статный, с чуть рыжеватым окрасом, с тёмными пятнами и красивыми разветвлёнными рогами, он панически озирался по сторонам. Князь находился меньше чем в десяти кэн¹ от него, верхом на белом жеребце, с луком наготове. Ему понравился этот олень, что на какое-то время он даже не захотел пускать в него смертоносную стрелу. Этого времени, которое даймё зачарованно наблюдал за благородным животным, хватило зверю, чтобы рвануться в сторону и побежать прочь от собак и людей.

– Проклятье! – гневно выругался Какидзаки и послал коня вслед за оленем.

Кагэтора, сообразив, наконец, что упускает свой трофей, тоже рванул за ним. Олень мчался быстро, едва ли не быстрее, чем приученные к таким гонкам лошади из загона Какидзаки. Зверь стремился вперёд, туда, где вздымались очередные деревья, непроходимой чащи. Если он успеет добежать до леса, тогда поймать его будет практически невозможно. Поэтому Кагэтора гнал изо всех сил, подбадривая своего скакуна прутом-мути, по крупу. Но, как оказалось, Кагэиэ предусмотрел даже это. Одна из его собак, до этого смиренно лежащая в укрытии, появилась из травы, прямо перед оленем и кинулась на убегающего зверя, цапнув его за переднюю ногу и отпрыгнула в сторону, дабы не попасть под его копыта или чего доброго, оказаться одетой на рога. Поступок собаки был ясен даже не сведущему человеку. Пёс просто надгрыз сухожилия, изрядно сбавив скорость зверя, и стал вертеться вокруг него, пугая своим рычанием и острыми зубами. Он по-прежнему громко лаял, не пуская жертву дальше и сигнализируя своим, что зверь здесь. Несмотря на это, олень, пытаясь перебороть боль, продолжал бежать, спотыкаясь на ровном месте.

Охотники подоспели вовремя. Теперь Кагэтора не медлил, он метко всадил свою стрелу прямо в сердце раненого животного.

– Прекрасная работа господин! – похвалил князя Какидзаки, спрыгнув с лошади и вынимая стрелу из бьющегося в конвульсиях, зверя. – Вы попали с первого раза!

– Мало чести добивать уже раненого зверя. – процедил князь Нагао.

– Иначе, мы бы упустили его, и охота была бы неудачной. – попытался успокоить расстроенного даймё Кагэиэ.

¹ Кэн – 1,6 м.

– В этом ты прав. – Кагэторе ничего не оставалось делать, как согласиться со своим вассалом. Он обратил свой взгляд на пса, решившего исход погони. Тот смиренно сидел в стороне, высунув язык, и поглядывал на своего хозяина. С густой рыжей шерстью, с белой, широкой мордой, но с такой же рыжей маской вокруг глаз, белыми лапами и грудью. В холке, не меньше двух сяку², но этого хватало, чтобы противостоять не только оленю, но и дичи покрупнее и посильнее. Его черные глаза, казались бездонными, словно в них была заключена целая вселенная, и нельзя было понять, какие эмоции сейчас испытывает этот пёс. Только по выражению на его морде, будто человеческой улыбке, было ясно, что он доволен сегодняшней охотой.

– Умный пёс у тебя Кагэиэ. – похвалил собаку Кагэтора. – Именно он выиграл сегодня эту охоту.

Какидзаки весело улыбнулся, обнажив белые зубы, блестящие на фоне черной, жесткой поросли. Он подошёл к псу и потрепал его за ухом.

– Это самый верный мой друг, настоящий воин и охотник! – похвалился Кагэиэ. – Я зову его Акаино, он из породы северных матаги! Этих собак использовали ещё айны, и я считаю, что наши далёкие потомки не будут ими пренебрегать! Не найдёшь собак вернее и храбрее чем матаги.

– Теперь я и сам это вижу. – согласно кивнул Кагэтора, видя, как Акаино вылизывает руки Кагэиэ, постепенно добравшись своим шершавым языком до жесткой бороды своего хозяина.

Слуги из свиты Какидзаки ждали своего господина у подножья гор Ёнэ, в деревушке Куройва. Спустившись с горных лесов, где проходила охота, Кагэтора и Кагэиэ расположились там во дворе одного из домов, построенного специально для охотников, гостей и товарищей Какидзаки. Князю тут же навяло воспоминание, ведь именно в этой деревне он, будучи беглецом из Ринсэндзи, укрывался от погони, спрятавшись в амбаре под снопами сена. Хозяева того амбара так и не вспомнили Кагэтору. Даймё рос день ото дня, а с тех пор минуло без малого десять лет.

Пока Какидзаки, лично, освеживал тушу оленя, Кагэтора разводил костёр. Слуги только лишь подносили дрова и воду, для обмыва оленьего мяса от крови. К вечеру всё было готово. Кагэиэ насадил мясо на вертел и принялся жарить его над костром. Собаки, получив свою порцию свеженины, и наевшись, тихо лежали в сторонке, наблюдая за людьми. Жарил Какидзаки не долго, было важно оставить мясо чуть сыроватым, с небольшим количеством крови, чтобы сохранить естественный вкус. Нарезав оленину тонкими ломтиками, он распределил их по глубоким, круглым мискам-тонсуй, посыпав сверху солью и, нарезанным полосками, зелёным луком. Прежде чем приступить к трапезе, Кагэиэ разогнал местную детвору, высыпавшую из крестьянских домов, чтобы посмотреть на господ самураев. Никто не знал, что деревню почтил своим присутствием сам сюго Этиго, поэтому все думали, что господин Какидзаки устроил охоту с очередным своим приятелем. Кагэтору же, не смущало то, что его не узнают хэймины, напротив, это даже радовало. Обычные развлечения для князя, зачастую принимали форму некоего парада, с комфортом, охраной и толпой зевак. А тут, тихое уединённое местечко, где лишь он, Кагэиэ, несколько псов, да пара слуг.

– Почему вы осторожничаете? – с улыбкой спросил Какидзаки, видя, как его господин неуверенно берёт палочками-хаси, маленький кусок мяса. – Разве Будда запретил оленину?

– Нет. – покачал головой Кагэтора. – Но, он не советует, есть животных, убитых собственной рукой.

– Но ведь вы давали обет не Будде, а Бисямону! – подбодрил князя Кагэиэ. – Он бог войны и защитник Будды! Когда воюешь и защищаешь, без убийств не обойтись! Ешьте! Когда вы съедите этого оленя, его дух и сила станут частью вас! Вы же видели, какой он был красавец?

² Сяку – 30,3 см.

– Да, олень и впрямь был превосходный! – восхищённо согласился Кагэтора, вспоминая статью благородного зверя. Он отставил миску в сторону и взял другую, наполненную обычной похлёбкой с покрошенным в неё луком. – Пожалуй, я всё равно воздержусь от мяса. – князь отхлебнул суп, издал восторженный возглас, дабы не расстраивать Кагэиэ своим отказом и заявил. – Очень вкусно! Может тебе стоит завязать с битвами и отправится главным поваром в Касугаяму?

– Господин, не шутите так! – обескураженно воскликнул Какидзаки. – Если вы отберёте у меня копьё и коня, мне просто незачем будет жить! Я конечно охотник, и могу о себе позаботиться в любых условиях, но сражение – это моя сущность!

Кагэтора лишь коротко хмыкнул. Кагэиэ плохо понимал шутки, или же сам князь просто не умел шутить. Но в одном Какидзаки был прав, он был воин до мозга костей, всегда и везде стремился быть первым и не отступать перед опасностью. Даже два его замка, – первый, не далеко от морского побережья и второй, в окрестностях, которого они сейчас находились, были построены таким образом, что возвышались на крутой горе и имели лишь по одному входу. Это говорило о том, что будь Кагэиэ в осаде, то он будет стоять до самого конца, не имея путей отхода.

Наутро Кагэтора распрощался с Какидзаки и отбыл в Касугаяму, поблагодарив вассала за прекрасную охоту. Кагэиэ, в свою очередь, подарил господину коня, на котором он догнал оленя. Князю подарок понравился, и он сразу же подружился с ним. У Кагэторы не было постоянного скакуна с тех самых пор, как он потерял своего «Пепла Войны», в сражении на Садо. Своего нового друга даймё назвал «Шика но Хаширу» – «Бегущий за оленем».

* * *

Касугаяма.

День госпожи Торы, ныне монахине Сэйган-ин, проходил всегда одинаково. С утра молитвы, небольшой, скромный завтрак и рьяные наставления для подрастающего поколения, посещающего занятия в храме Каннон. Потом, снова молитвы и отход ко сну. Иногда Сэйган уходила из храма и навещала своего сына в главной башне, но, только тогда, когда он там присутствовал, а это бывало крайне редко. Сам Кагэтора посещал мать ещё реже, но женщина не обижалась и всегда находила этому оправдание. Её высокопоставленный сынок был занят, да так занят, что не только мать не посещал, да и в самом замке редко появлялся, а если соизволил явиться, то уединялся в своём святилище. Так было и сейчас. Нагао Кагэторы не было в Касугаяме, зато гостей скопилось несметное количество. Наоэ из рук выбивался, принимая каждого из них и, в конце концов, вежливо попросил помощи у женщины, которую считал эталоном красоты, отваги и мудрости. Сэйган согласилась, ни капли не упираясь, тем более, жизнь монахини с каждым днём становится всё монотоннее.

Приёмную залу в главной башне наводняли люди из разных концов Этиго. В основном, все приходили с жалобами о своих доходах и выплачиваемых налогов Касугаяме. То были городские управители, мелкопоместные самураи, торговцы и ремесленники. Раньше, подобными делами занимались чиновники покойного сюго Уэсуги, но теперь стало по-другому и правительство перенеслось в резиденцию главы провинции. Все дела приходилось расхлёбывать Наоэ Кагэцуне и его немногочисленным помощникам. Самой зяждлой темой было восстание Уэда. Жалобщиков волновало то, почему Уэда не платит установленный налог, тогда как остальные из кожи вон лезут, чтобы угодить Касугаяме. К этому прилагалась ещё и пошлина, взимаемая всё теми же Уэда, с проходящих через их территорию, торговых караванов. И так приходил каждый второй. У остальных были более насущные проблемы: один хотел развестись женой или наоборот, другого не за что поколотили стражники, у третьего из подноса увели товар и ещё много подобного.

От всего этого у Наоэ разболелась голова. После полудня он даже начал срываться на грубые оскорбления в адрес жалобщиков и насильно выпроваживать их из замка. Когда пришла Сэйган, Кагэцуна немного приободрился. Женщина взяла у него часть просителей, и ловко с ними разобралась, отвечая на их вопросы коротко, вставляя буддийские нравоучения. Так, к концу часа обезьяны³, всё было кончено. Тех, кто не успел сегодня получить ответы, на мучающие их вопросы, попросили прийти на следующий день.

– Эта работа выпивает из меня все соки. – Наоэ облегчённо вздохнул, стянув с головы мокрую от пота, эбоши. – Когда же мы уже наведём порядок и распределим все должности!

– У вас на это не хватает времени? – спросила Сэйган, хотя, знала ответ. Вопрос был задан для того, чтобы поддержать, выбившегося из сил Наоэ.

– Определённо! – тяжело выдохнул Кагэцуна. – У нас постоянно, что-нибудь случается! Когда мы покончили с Харукагэ, возникли проблемы на севере, только мы их усмирили, появились союзники с Садо, с просьбой о помощи, покончили с Садо, помер старый сюго и тут началось! Боюсь подумать, что произойдёт дальше! Не иначе, как на нас нападут, скажем, Ходзэ или Такеда!

– Успокойтесь Кагэцуна-сама. – Сэйган поднялась со своего места, зашла за спину Наоэ и опустив руки ему на плечи, начала разминать. – Расслабьтесь, вы слишком напряжены.

– Госпожа Сэйган, вам не следует... – Кагэцуна оцепенел от такого поступка женщины, но был не в силах отпрянуть. Подумать только, мать его господина и жена бывшего даймё, разминает ему плечи. Он и не мечтал о таком, хотя, грезил в своих потаённых мыслях.

– Каннон милосердна ко всем. – прервала его монахиня. – А вы заслужили хотя бы немного отдыха.

Наоэ попытался расслабиться. Напряжение сняло ещё то, что он и Сэйган остались одни. А значит, не поползёт никаких слухов, что знаменитому распутнику, Наоэ Кагэцуне, массирует плечи самая известная женщина в Этиго, да ещё и монахиня. Он всегда любил госпожу Тору, как её раньше называли, но она для него была под строжайшим запретом. Настолько, что даже за неподобающую мысль о ней, он ту же вспорол бы себе живот.

– Господин Наоэ! – послышался голос стражника, за закрытой сёдзи. Кагэцуна и Сэйган вздрогнули от неожиданности.

– Что тебе? – спросил Наоэ, с неохотой освобождаясь из рук женщины.

– Ещё два посетителя! – ответил тот.

– Приёмный день закончен! – нервно сообщил Кагэцуна.

– Они не к вам. Они к госпоже Сэйган. Это Кошин Кагэнобу и Ясуда Нагахидэ.

И Наоэ, и монахиня удивлённо переглянулись. Что нужно было этим двоим, да ещё и от матери даймё. Кагэнобу, ещё куда не шло, – он являлся её племянником, но Ясуда?

– И ещё. Они просят принять их по отдельности.

– Проси! – распорядилась Сэйган и заговорщицкими, кошачьими глазами, посмотрела на Кагэцуну.

– Я, пожалуй, пойду. – Наоэ понял намёк без слов. Нехотя поднялся, размяв затёкшие, от долгого сидения, суставы и юркнул за потайную дверь, что располагалась прямо за спиной женщины. Там он и устроился. Уже, по укоренившемуся обычаю, разговоры с подобными лицами, требовали дополнительных ушей. А у данных лиц, наверняка было что-то важное.

Вскоре вошёл Кагэнобу. Как всегда, напыщенный и гордый, хотя и одевался не очень броско, серая дзинбаори с родовым камоном, накинутая поверх коричневого косодэ и тёмно-зелёные хакама. Кошин сел перед Сэйган и низко поклонился, коснувшись лбом пола.

– Госпожа, – начал он, как всегда с ярких приветствий. – я рад видеть, что вы находитесь в добром здравии, а значит будете радовать нас ещё долго своим присутствием и снисходить

³ Час обезьяны – с 13-00 до 17-00.

до нас, ваших покорных слуг и вечных защитников! В знак моего к вам уважения и искренних, добрых намерений я преподношу вам щедрое пожертвование вашему храму, дабы вы и дальше процветали, и несли нам милость Каннон Милосердной! – Кагэнобу придвинул ближе к женщине, красивый и яркий свёрток из шёлковой ткани, принесённый с собой. Не трудно было догадаться, что в нём находится золото, а это значит, что Кошин что-то хотел. То, что имело для него большое значение.

– Ты неспроста посетил меня Дзюро. – выслушав Кагэнобу, обратилась к нему Сэйган, назвав его личным именем. – Раньше ты этого не делал. И уж тем более не подносил дары нашему храму. Что ты хочешь?

Прямой вопрос женщины поставил его в неловкое положение, ведь он намеревался ещё немного распалтаться в комплиментах и пожеланиях. Что ж, придётся теперь тоже «бить в лоб».

– Я намеревался поговорить с вами об Уэда Масакагэ. – решившись, произнёс Кагэнобу. – Я хочу просить вас, чтобы вы повлияли на Кагэтору-сама и уговорили его казнить изменника. Таким людям не место в Этиго!

– Вот значит, как? – задумчиво проговорила монахиня. Глаза её блеснули кошачьей хитростью. – Значит, ты просишь меня, женщину, отошедшую от мирских дел, жрицу Милосердной Каннон, уговорить собственного сына убить человека? Не просто человека, а мужа моей дочери, отца моего внука и нашего общего родственника?

Кагэнобу растерялся. Слова застряли у него в глотке и он, совершенно по-детски, беспомощным взглядом, уставился на свою тётку.

– Я, я не это имел в виду. – заикаясь, выдавил он.

– Твою просьбу следует понимать, как-то по-другому? – возмутилась Сэйган. – Или ты пытаешься водить меня за нос?

– Нет, нет, госпожа! Я не пытаюсь вас обмануть!

– Выходит, ты просто хотел купить мою благосклонность?

– Вы всё перевернули с ног на голову! – Кагэнобу понял, что его откровенно отваживают, да ещё и в такой манере, будто он маленький мальчик. – Эти деньги, просто добровольное пожертвование и ничего более! Я нижайше прошу простить меня за столь некомпетентную просьбу! Моё почтение, – это всё, что я хотел выказать своим визитом! – он не хотел сориться с матерью своего господина и решил, что нужно поскорей удалиться, пока эта женщина ещё, что-нибудь на него не наговорила. Например, что он попытался нанять убийц для устранения Масакагэ.

– Прекрасно! – Сэйган, вдруг, мило и добродушно, прямо по-матерински, улыбнулась. – Я благодарю тебя за пожертвование Дзюро, и за то, что ты не забываешь о столь скромной и незначительной женщине, как я.

На этом, Кошин Кагэнобу откланялся, кляня себя за то, что дал победить себя женщине, пусть поединок был и словесным.

Следующим вошёл Ясуда. Этот был одет не так скромно, как предыдущий гость. Тёмно-синее хитатарэ⁴, украшенное по всему костюму родовыми гербами-камон – восемь малых кругов, вокруг одного большого. Волосы были убраны в длинный хвост на затылке, а на лоб ниспадали несколько прядей. Лицо продолговатое, чуть приподнятое, так, чтобы кончик прямого носа всегда смотрел вверх. Губы тонкие и узкие, практически никогда не растягивались в улыбке. Ясуда всегда выглядел так, будто он самый умный человек в Этиго, а может и во всей Хиномото. Но Сэйган видела его глаза. Хоть они и были небольшими и глубоко сидели в глазницах, в них читалось, что Нагахидэ честный, преданный и чувственный человек. А его над-

⁴ Хитатарэ – В конце эпохи Хэйан хитатарэ, наряду с тем, что оно являлось церемониальной одеждой военного сословия, надевалось также под военные доспехи. Ввиду того, что на поле брани – это облачение призвано было подчеркивать боевую мощь воина, оно выполнялось из парчи и роскошных шелковых тканей, разнообразных расцветок, узор также выполнялся как можно красочнее. Функция одежды, надеваемой под доспехи, выделилась и с эпохи Сэнгоку начала самостоятельное развитие.

менность и чрезмерная гордость, ни что иное, как сплошная показушность, дабы ввести людей в заблуждение.

После обмена приветствиями Нагахидэ заговорил первый:

– Я не отниму у вас много времени госпожа Сэйган. Прошу вас, выслушайте меня до конца и только потом спрашивайте?

Монахиня с любопытством кивнула. Ясуда был таким серьёзным, что казалось, будто он чем-то озабочен, поэтому женщина решила его не перебивать.

– Благодарю вас! – он вежливо поклонился и продолжил. – До моего визита у вас был господин Кагэнобу. Я знаю, о чём он просил вас и поэтому я здесь. Через несколько дней сюго огласит приговор Уэда Масакагэ и поэтому я прошу вас, не говорите господину о сегодняшней встрече с Кагэнобу-саном. Пусть Кагэтора-сама сам решит судьбу Масакагэ. Я не просто прошу, я умаляю вас!

– К чему такая забота о моём зяте? – полюбопытствовала Сэйган. – Или же вы печётесь о Дзюро? Если мой сын узнает о его просьбе он ни на шутку разозлится.

– Не стану скрывать, я действительно хотел просить вас замолвить слово за господина Уэда, но поскольку Кагэнобу-сан опередил меня, и его просьба полностью противоположна моей, я прошу лишь умолчать об этих встречах.

– Ты не ответил мне на вопрос Нагахидэ. Почему тебя волнует судьба Масакагэ?

– Он единственный наследник Уэда-Нагао. – начал объяснять Ясуда. – И если Кагэтора-сама прикажет его казнить, то это лишь усугубит положение. Уэда восстанут снова, а мы больше не хотим резать на куски своих сородичей. С нас довольно кровопролития на собственной земле. Я говорю вам это от лица всего севера!

– Интересно! – удивилась Сэйган. – Впервые слышу подобные слова от самурая! Но, мне кажется, что это не совсем правда. Я никогда не поверю, что север, особенно в лице таких воинов как, Иробэ и Накадзэ перестали хотеть утолять свою жажду крови. Звон метала и стоны умирающих врагов, – вот их музыка! А ты хочешь убедить меня в том, что они вдруг захотели мирной жизни, попивать сакэ у себя в замке и слушать пение хэйминов, сажающих рис в полях. Говори мне правду Нагахидэ!

Ясуда с уважением посмотрел на мать своего князя. Только сейчас он понял, у кого Кагэтора унаследовал свою прозорливость и твёрдый характер. Теперь, ему стало ясно, как этой женщине удалось выжить после смерти своего мужа, в самом сердце вражеской территории.

– Прошу прощения! – Нагахидэ поклонился. – Мне очень понравился Масакагэ!

У Сэйган, от удивления расширились зрачки. А Наоэ едва не поперхнулся за потайной дверью, но успел прикрыть рот ладонью.

– Нет-нет, вы не так поняли! – запротестовал Ясуда, видя негодующий взгляд женщины. – Я не влюблён в него! Мне было поручено сопровождать его под арест, но так случилось, что за это время мы прониклись друг к другу уважением. Я не смог его убедить покориться Кагэторе-сама, но пообещал, что сделаю всё, что смогу для его освобождения. Он, разумеется, не надеется, что останется в живых и поэтому поручил мне позаботиться о его сестре и взять её в жёны.

– Так вот в чём дело? – улыбнулась Сэйган, краем уха услышав облегчённый вздох Наоэ. – Обещания нужно исполнять Нагахидэ. Я считаю, что никто не встанет у тебя на пути, в осуществлении последней воли Масакагэ.

– Последней. – горестно повторил Ясуда.

– Не могу обещать тебе хороший исход. – произнесла Сэйган. – Скажу лишь, что мой сын никогда не поступал неблагоразумно. У него чутьё на хороших людей, он видит их сердцем. Поэтому, любое его решение будет правильно и справедливо. Ступай Нагахидэ. Обещаю, что этот разговор, с тобой и с Дзюро, не уйдёт дальше этой комнаты.

Ясуда поблагодарил и откланялся. Наоэ сразу же появился из своего укрытия.

– Занятно! – произнёс он, поглаживая наголо выбритый подбородок. – У нас тут небольшой сговор намечается!

– Они просто хотят достичь своей цели. – парировала Сэйган.

– За спиной своего даймё! – Кагэцуна недобро сощурился.

– Прошу вас, Наоэ-сан, я дала слово Нагахидэ, не делайте так, что оно оказалось пустым звуком! – взмолилась монахиня. – Я не считаю, что эта их просьба перерастёт в нечто большее.

– Только ради вас госпожа. – проникся Наоэ, мольбам женщины. – Но, мне вот интересно. Почему враги и друзья радуют о судьбе Масакагэ больше, чем его семья?

– Айя уверена в своём брате больше, чем кто-либо. – ответила Сэйган. – Они вместе росли на моих глазах, и мне кажется, что их связь намного крепче, чем моя с ними. Они даже понимают друг друга без слов. Хэйдзо⁵ ощущает боль сестры на расстоянии, так же, как и она его.

– Значит, госпожа Айя знает, какой приговор вынесет наш господин? – удивлённо спросил Наоэ.

– Не думаю. – Сэйган обратила свой взгляд вверх. – Но, она точно знает, что его решение будет правильным и она примет его как должное.

* * *

1-й день месяца Нагацуки (сентябрь). Касугаяма.

Масакагэ сидел один в просторной, практически ничем не обустроенной комнате, тускло освещённой лишь одним фонарём, стоящим у письменного столика, заваленного книгами и исписанными листами бумаги. В нише-токонома, расположился деревянный будда, которому Уэда молился по вечерам. Вот уже целый месяц, как Масакагэ проводил дни лишь с собой наедине. Никто не посещал его и даже не передавал послания. Разве что, пожилой слуга появлялся раз в день, наливал ему офуро, приносил еду и чистую одежду. Но, даже он, слуга, не произносил не единого слова, лишь кланялся и выполнял свою работу. За это время у Уэда было над чем поразмыслить и прийти к решению, что именно он скажет Кагэторе, перед тем, как он вынесет ему окончательный приговор. Он даже написал предсмертные стихи, на тот случай, если его казнят прямо на месте. Также, на столе лежало несколько посланий членам клана и жене с сыном.

Масакагэ придвинулся к столику, сложил каждое письмо и скрепил собственной печатью, аккуратно разложив их по столу. Через какое-то время вошёл тот самый, пожилой слуга, что прислуживал ему целый месяц. В течение часа, служка приводил смиренного от одиночества Масакагэ в порядок. Побрил, заросшее лицо, оставив тонкие усики над верхней губой и небольшую бородку, налил офуро, и хорошенько вымыл своего подопечного, помог облачиться ему чистые одежды. Тёмно-зелёное верхнее косодэ, поверх нижнего белого, синие хакама, белые носки-таби, а новые соломенные сандалии-варадзи, ждали у входа, у порога энгавы.

«Странно. – подумал Масакагэ. – Это обычная одежда, а не ритуальная белая. Значит, не на казнь поведут. Хотя, это всегда успеется.» Слуга же, сделав всё, что от него требовалось, удалился. «И что? – снова спросил у себя Уэда. – Я сам должен пойти навстречу своей судьбе, или всё же мне выделят проводника? Хорошо бы это был Нагахидэ.» Как бы в ответ на его мысли, у энгавы появился Ясуда. Заходить не стал, а позвал с улицы.

– Масакагэ-сан! Прошу вас следовать за мной! И поторопитесь, даймё ждёт!

⁵ Сэйган-ин обращается ко всем членам семьи по личным именам, так как имеет на это полное право. Кроме членов клана, по личным именам мог называть господин своих вассалов или близкие друзья друг друга. В данном случае, Хэйдзо – личное имя или прозвище, Нагао Кагэторы, данное ему при прохождении церемонии совершеннолетия. (см. 1-ю книгу «Легенды Сэнгоку. Под знаком тигра.»). (Прим. автора).

Масакагэ вышел. Посмотрел на Нагахидэ, гордо вздернувшего подбородок и безучастно смотревшего куда-то в сторону.

– Вы сделали то, о чём я вас просил? – спокойно спросил Уэда, но в ожидании положительного ответа. Ясуда не ответил, но медленно опустил веки, в знак согласия. У Масакагэ камень с души упал. Он обул варадзи и последовал за Нагахидэ. Поведение Ясуды, конечно не сулило ничего хорошего, но Уэда было уже всё равно. Его жена и сын находились под опекой даймё, а сестра выйдет замуж за достойного человека, если уже не вышла. А ему умирать не страшно. В конце концов, путь война рано или поздно заканчивается лишь одним исходом.

В главной зале замка, в это время, вассалы всюду рассуждали о последствиях приговора мятежнику Масакагэ. Большинство было уверено, что это будет сэппуку. Некоторые предполагали изгнание, и совсем малая толика настаивала на помиловании. Кагэтора не слушал переписки своих вассалов, лишь изредка перебрался парой фраз с Усами Садамицу, сидящего с ним рядом. Справа от помоста расположились Сэйган-ин и Айя. Сына с сестрой князя не было, он был попечён кормилице, да и не к чему ему было присутствовать на приговоре собственного отца. Хоть ему и было четыре года, но он многое уже понимал.

Когда в дверном проёме показался Ясуда Нагахидэ, князь приказал всем замолчать. Вассалы утихли. Недобро смотря на прошедшего мимо них мятежника, а когда тот сел перед помостом, где восседал даймё, стали ждать. Ясуда устроился позади-слева, от своего пленника и они оба поклонились Кагэторе. Масакагэ был спокоен и невозмутим, выражая полное бесстрашие перед лицом правосудия. Аяй увидела по впалым щекам, как похудел её муж, и хотела поймать хоть косой его взгляд, но он на неё не смотрел. Слишком уж он был горд, чтобы подарить свой взгляд женщине, хоть и любимой, в окружении почти полусотни самураев Этиго.

– Хорошо ли с тобой обращались за этот месяц? – задал первый вопрос Кагэтора. Он знал ответ, но ему было нужно услышать Масакагэ. Его тон, голос и внутреннее состояние.

– Мне не на что жаловаться Кагэтора-сама. – ровно, не дрогнув, ответил пленник.

– Не наскучило ли тебе одиночество? Ведь целый месяц, это достаточно долгий срок? – снова спросил даймё. Взгляд его, грозный и пронзительный, был устремлён лишь на Масакагэ, словно не было никого вокруг. Тем, кто это видел, казалось, что князь убьёт его, лишь посмотрев. Как это было несколько лет назад, с Куродо Хидэтадой, когда Кагэтора убил его одним только взглядом. Тогда, этот случай называли божественной карой Бисямон-тэна, но вассалы знали, что это было не так, потому и побаивались грозного взгляда своего господина.

– Это даже идёт на пользу. – спокойно ответил Уэда. – Есть время поразмыслить, подумать о совершённых поступках и прийти к выводу.

– Вот как? – Кагэтора хмыкнул, но не улыбнулся. – И к какому выводу ты пришёл?

Масакагэ глянул на князя Нагао, выдерживая его взгляд. Без злости и без сожаления. Просто, как человек смотрит на другого человека.

– Я приму любое наказание, которое вы посчитаете справедливым для меня. – Уэда уважительно поклонился. – Отныне, моя судьба в ваших руках.

– Это всё? – спросил даймё.

– Да. – ответил Масакагэ. Он, почему-то, не чувствовал волнения, хотя оно присутствовало глубоко в сердце, когда он вошёл в зал. Сейчас же, его сердце успокоилось. Он сам, будто оказался в пустоте, и не было вокруг никого, ни Кагэторы, ни его вассалов. Лишь чистая, ничем не замутнённая пустота. Было ли это последствия взгляда князя Нагао, Масакагэ не знал, но это, внезапно нахлынувшее блаженство было ему по душе.

Кагэтора в свою очередь принял правой рукой у Усами короткий меч вакидзаси и положил его перед Масакагэ. Вассалы насторожились. Кошин Кагэнобу в предвкушении облизнул губы – это сэппуку. Ясуда, наблюдая из-за спины Масакагэ, поймал хитрую улыбку Садамицу и перевёл взгляд на короткий меч, положенный князем и тоже улыбнулся.

– Я наказываю тебя Уэда Масакагэ! – произнёс Кагэтора, так, чтоб все услышали. – Возьми свой малый меч, большой ждёт тебя у выхода из залы! Отныне, ты служишь мне и некому более, до тех пор, пока достойный человек из клана Уэсуги не займёт моё место!

У всех без исключения слова застряли в горле. Такого, точно некто не ожидал. Минимум помилование, но без всяких привилегий. А тут, мятежнику вручают его собственный меч со знаками отличия клана Уэда-Нагао, что соответственно передавался по наследству. А это значит, что Масакагэ не только помилован, но и восстановлен во всех своих правах, да и к тому же не как независимый кокудзин, а как непосредственный вассал князя. И самое главное, его родственник.

– К-как? – выдавливал из себя слова, обескураженный Кошин Кагэнобу. – Разве это наказание? Такой приговор лучше любой награды!

– Мы не согласны! – закричал Окума Томохидэ. Его сосед, как в зале, так и по владениям, Шода Садатака, поддержал. Эти двое больше всех надеялись на печальный исход для Масакагэ, так как были первыми кандидатами на земли Уэда.

– Объяснитесь господин! – произнёс Хондзэ Ёшихидэ, хозяин Точио. Он не был настроен против решения князя и был всегда ему лояльным, но с тем, что Масакагэ во время своего восстания напал на его замок, побил людей и пожар деревни, Ёшихидэ не собирался мириться.

– Из всех, здесь присутствующих, я нахожу лишь претензии Ёшихидэ обоснованными! – громко произнёс Кагэтора, недовольно оглядев вассалов. – Кагэнобу! – обратился он к своему двоюродному брату. – Разве, кроме вашей давней и глупой вражды, у тебя есть, что предъявить Уэда?

– Он поднял восстание! – выкрикнул Кошин.

– Твой клан тоже, изначально был против моего отца, но был повержен, прощён и подчинён! – парировал даймё.

Несомненно, эти слова обидели Кагэнобу, но, по крайней мере, заставили замолчать. Кагэтора не стал больше спрашивать мнения других, а подрезал все вопросы на корню:

– Я не сомневаюсь, у других тоже найдётся масса деяний, совершённых против моего отца и клана Нагао. Ведь так Окума?

Томохидэ опустил глаза, не смея смотреть на князя, да и претензии его, испарились сами собой.

– Тебе же Ёшихидэ я отвечу. – продолжал Кагэтора, но уже на тон ниже. – Масакагэ совершил ошибку. Большую ошибку. Но разве я не должен дать ему шанс всё исправить. Позволить ему объединиться с нами и вместе восстановить мир и порядок в Этиго. Ты, как никто другой знает, что оступившийся имеет одну попытку на искупление, потому как сам учил меня этому.

– Тогда почему вы называете это помилование наказанием? – снова спросил Хондзэ, начиная понемногу смягчаться.

– Все вы знаете, что Уэда поклялись служить только Уэсуги и никому другому. Разве для них не наказание, нарушить свою клятву и присягнуть другому клану. Масакагэ сказал, что отдаёт свою жизнь мне, значит, я волен распоряжаться ею на своё усмотрение. И, я считаю, что такое наказание для него и его клана, вполне благоразумно. – Кагэтора заметил, что вассалы перестали роптать, но по-прежнему переглядывались меж собой. Объяснения их даймё не вполне их утешило, но, по крайней мере они нашли его уместным. Князь продолжил. – Что же касается Точио, то Масакагэ исправит свою ошибку и поможет с его восстановлением. Ведь так? – этот вопрос уже адресовался Уэда.

– Клянусь честью! – Масакагэ низко поклонился. Ему, откровенно не верилось, что Кагэтора сможет вот так, превратить его наказание в самую настоящую награду. Пусть это разнится с его идеалами про вассальную преданность и нарушение клятвы, но это явный шанс на какое-то будущее. К тому же, как сказал Кагэтора, это лишь временное наказание, до тех

пор, пока он не восстановит клан Уэсуги. Как он это сделает, Масакагэ не представлял. Но если князь верен своей клятве и будет стремиться к этому, то клан Уэда безоговорочно ему поможет, а если нет...

Масакагэ, краем глаза, покосился на то место, где сидела Айя, но её там уже не было. Уэда позволил себе немного улыбнуться. Он знал, – его любимая жена уже ждёт его на выходе из замка.

Глава 3

Месть

Месяц нагацуки 20-го года Тэнмон (сентябрь 1551 г). Замок Хондзё, север Этиго.

Тишина всегда привлекала Иномару. В ней он мог спокойно поразмыслить над собой и своими поступками, которые, порой, из обычных хулиганских выходов перерастали в сущий хаос, ужас и стихийное бедствие. Только нынешнем утром он успел совершить кучу дел, которые доставили обитателям замка целый ворох хлопот. Пробудившись ото сна, прислужники попытались заставить его привести себя в порядок и подготовиться к церемонии гэмбуку, но жестоко поплатились за это. Иномару не любил слуг своего опекуна, как и его самого, поэтому, без зазрения совести лишил их пальцев рук одним круговым взмахом меча.

Оставив позади себя вопли прислуги, он отправился в казармы, находившиеся во втором дворе замка, на следующем ярусе, ниже тэнсю. Там, по его просьбе, или даже приказу, собирались те немногие, что остались верны его покойному отцу и клану. Выйдя из ворот главного двора, Иномару остановился. Путь ему преградила женщина, немолодая, на четвёртом десятке, но достаточно ухоженная, чтобы выглядеть на свои года. Её одежда была слишком яркая, больше похожая на одеяния столичных публичных женщин, что откровенно раздражало юношу.

– Иномару опомнись! – закричала она на него. – Он убьёт и тебя и меня!

– Тебя он не убьёт. – пренебрежительно отозвался Иномару. – Не убил тогда, не сделает этого и сейчас. То, что у тебя между ног, заботит его больше... – он внезапно осёкся. Его безразличный взгляд вдруг сменился на гневный. – Да и с чего ты взяла, что он убьёт кого-то?! Сегодня великий день! Я стану совершеннолетним и вступлю во владение своим кланом и собственными землями! А ещё, ты знаешь, что сегодня за день? – юноша схватил женщину за плечи, стиснул, сильно, со злостью. – Знаешь?

Женщина заплакала. Не столько от боли, сколько от бессилия остановить этого дерзкого юнца, уберечь его от неминуемой гибели, от того, что не смогла дать ему должного воспитания. Уж лучше бы он умер при родах, чем стал, тем, кем он является сейчас. Нет! Лучше бы они оба умерли.

– Молчишь? – продолжал давить на неё Иномару. – В этот день погиб твой муж, мой отец! Я отомщу его убийце! Тому, с кем сейчас ты делишь ложе, тому, кто вероломно захватил наш дом, когда в нём не было хозяина!

– Ты даже не знал своего отца! – сквозь слёзы прокричала женщина. – Почему ты хочешь за него отомстить?!

Иномару не стал больше ничего говорить. Он с силой оттолкнул женщину, свою мать, и пошёл дальше, даже не удостоив её взглядом.

– Иномару, не делай этого! – закричала она ему в след, поднимаясь с посыпанной гравием, дороги. Но юноша её не слышал. Не хотел слышать.

Один стражник, видимо посочувствовавший женщине, решил преподать урок наглому юнцу. Подбежал сзади, ухватил его за правый локоть и резко развернул к себе. Единственное, что ожидал стражник, это то, что паренёк будет упираться и вырываться, но он никак не ждал распрощаться с жизнью этим прекрасным осенним утром.

Как только Иномару развернулся, всё, что увидел стражник, это блеск, молниеносно разящего танто и чувство, как холодная сталь входит под подбородок.

Страхнув кровь с кинжала, юноша отправил его в ножны за оби и, как ни в чём небывало, направился своей дорогой.

В казарме, из тех, кто ожидал юного господина, было всего восемнадцать человек. Это те, кто в данный момент находился в замке и поддерживал Иномару в его притязаниях на власть. А сколько таких было на всём севере? Наверняка, юноша не знал, сколько самураев присягнули ему на верность, когда он встанет во главе, но ему это и не надо было. Его единственная цель была отомстить убийце отца, своему опекуну и родному дяде в одном лице. В лице Огавы Нагасукэ.

После обсуждения некоторых деталей Иномару и его свита из восемнадцати самураев, отправились в родовой храм Чёракудзи, где главный настоятель и старший из воинов, Хираго Магосабуро, провели над ним обряд гэмбуку. После вступления во взрослую жизнь юноша уединился в храме, дабы вознести молитвы Гаутаме Будде.

Стояла тишина. Воздух заполнял приятный и расслабляющий запах благовоний. Иномару, любил тишину. Так ему думалось легче. Но, было в этой тишине и ещё кое-что...

– Теперь ты взрослый? – раздался за спиной тихий, глуховатый голос.

– Да. – ответил юноша, улыбнувшись краешком рта. Он был рад услышать этот голос. Ему он был рад всегда, как ничему и никому в этом мире. – Ты видел?

– Да. – ответил голос. – Я горжусь тобой! Только...

– Что, только? – удивился Иномару, услышав нотки сомнения.

– Не скверно ли ты поступил с матерью? – голос сделался грустным. – Она ведь живёт ради того, чтобы ты жил.

– Кувыркаясь в постели с врагом! – разозлился новоиспечённый самурай. Он обернулся.

Примерно в половине кэн от него, в воздухе, висело нечто. Белое, прозрачное, почти неразличимое существо, с тусклыми очертаниями. Иномару уже давно привык к нему и даже мог кое-что рассмотреть в этой, на вид, бесформенной фигуре. Например, он давно понял, что дух, а это был именно он, висел в воздухе в сидячем положении, поэтому и казался невелик. Ещё, ему было заметно кое-что из очертаний лица. Прямой, но выдающийся вперёд нос, как и у него, Иномару, точно такие же брови взлёт и небольшие, чуть узковатые глаза.

– Ты верно говоришь, но она сделала это, чтобы сохранить твою жизнь. – настаивал дух.

– Тогда зачем она отговаривает меня от мести Огаве? – юноша подался вперёд, приблизившись к призраку.

– Беспокойся. – коротко отозвался тот. Но, после недолгого молчания добавил. – Как ты поступишь с ней, когда всё кончится?

– Никак. – Иномару снова отвернулся. Вопросы о матери его занимали меньше всего, если вообще занимали. – Пусть пострижётся в монахини, мне всё равно. Если захочет, то может остаться в замке, но пусть не лезет ко мне со своими наставлениями или, что там у неё на уме.

Дух вздохнул. Тяжело или облегчённо, Иномару не понял, но он тут же перестал его ощущать. В храм кто-то вошёл.

– Господин! Огава выдвинулся из своих владений! Нам пора.

Юноша обернулся. У входа, на одном колене и в полном доспехе стоял его старший воин Хираго. Духа уже не было.

– Прекрасно! – довольно произнёс Иномару. – Выступаем немедленно!

* * *

Миомотэгава, север Этиго.

Огава вознёс молитвы своим предкам и стал было собираться в дорогу, как вдруг на него волной нахлынул поток мыслей. Не иначе предки постарались с того света, решили заставить своего удачливого потомка пораздумать над собой. То, что Огава Нагасукэ был удачлив, никто не сомневался, даже он сам. Будучи младшим братом покойного Хондзё Фусанаги, он был усыновлён кланом Огава и, впоследствии, стал его главой. Практически сразу, он обрёл неза-

висимость от могучего северного клана Хондзё, но, тем не менее, поддерживал своего брата, являясь, к тому же, его соседом. В точно таком же статусе находился и их двоюродный брат Аюкава Киёнага, – причудливый человек, живший по образцу древних воинов полулегендарной Императрицы Дзингу. Вместе с Иробэ Кацунагой, они составляли основной костяк северных кланов Этиго. Но, всему когда-нибудь приходит конец, и после череды боёв, во времена смуты, Хондзё Фусанаге пришлось бежать через горы, в соседнюю провинцию. Пока беглец копил силы, Огава воспользовался его отсутствием и захватил замок Хондзё. Беременная жена Фусанаги, каким-то образом пробралась через патрули и бежала из замка. Уйти ей удалось не далеко, один из воинов Аюкавы нашёл её в лесу, близ владений господина, всю израненную, от веток и камней и обессиленную. Фусанага, узнав о вероломстве брата, заручившись поддержкой клана Дайходжи, он намеревался отобрать свой замок обратно. Но в пути, от рук неизвестных, напавших ночью на лагерь, Хондзё Фусанага погиб. Погиб причём, при весьма странных обстоятельствах. Нападавшие не убили ни одного человека, а лишь запалили лагерь, устроили панику и исчезли так же неожиданно, как и появились. Фусанагу обнаружили сразу, как только порядок был восстановлен. Он был мёртв. Не единой раны, ни царапины или даже ушибы, не было на его теле. Смерть пришла от внезапного приступа, вероятнее всего, вызванного страхом от неожиданного нападения. Для самурая умереть от страха, ещё хуже плена или пыток.

Дальше, за неимением наследников в клане Хондзё, Огаву признали главой. Но, неожиданно для всех, Аюкава притащил в замок жену Фусанаги, да ещё и с новорожденным ребёнком. Роды оказались сложными и преждевременными, из-за перенесённых роженицей событий и ранений, подозревали, что малыш умрёт. Но, он не умер. В это же день, Огава из главы перекочевал в опекуна новорожденного, коего нарекли Иномару. Но и здесь Нагасукэ нашёл выход.

После того, как жена погибшего брата восстановилась от тяжёлых родов, Огава решил её шантажировать и пригрозил, что убьёт её сына до его совершеннолетия, если она не будет выполнять все его указания. Женщине ничего не оставалось делать, как согласиться. Она стала наложницей Нагасукэ и ко всему прочему, убеждала подрастающего Иномару в благожелательности его опекуна. Видимо, она лишилась рассудка после родов, либо была действительно такой смиренной, что не пыталась настроить сына против убийцы своего мужа. А то, что Огава имел отношение к смерти Фусанаги, практически никто не сомневался, только доказать этого никто не мог. Для всех, отец Иномару умер позорной смертью – от страха. Но, всего Нагасукэ учесть не смог.

Несмотря на смиренность своей матери Иномару рос совсем не таким, каким его ожидали увидеть. Помимо тренировок боевым искусствам и обучением разными науками, что должен пройти каждый родовитый самурай, мальчик оказался поразительно своеволен, озорлив, а временами даже жесток, как по отношению к слугам, так и по отношению к родным, включая свою мать. Зато воины, старые слуги бывшего господина, его привечали и даже обучили дополнительным воинским навыкам. К десяти годам Иномару мог легко побить своих сверстников и даже тех, кто постарше, в любом виде искусства, от поединка на мечах, до выслеживания врага по следам и запаху в любой местности. А за последние пару лет, поведение Иномару вышло за все рамки. Сначала, он жестоко избил на тренировках сына Огавы, за что был сурово наказан и посажен под замок на месяц. Потом он начал перечить уже самому Нагасукэ и в конечном счёте, дело дошло до кровопролития. Иномару убил слугу, который принёс ему пищу, когда тот отбывал очередной арест. Причём убил ни мечом, ни кинжалом, их у него не было, а обычной кисточкой для письма, точным ударом в глаз.

Огава провёл ладонью по бритому лицу, очнувшись от размышлений. «Проклятый ублюдок! – выругался он про себя, поминая Иномару. – Надо бы прикончить его, пока он не создал мне ещё больше проблем.» Проблем, юный наследник Фусанаги, создавал массу. Ко всему прочему, старейшины клана обязали Нагасукэ провести над мальчиком обряд гэмбуку, чего

он делать не хотел. Ведь после этого, этот малолетний зверёныш станет главой клана, и кто знает, что взбредёт ему в голову.

– Надо с этим что-то делать. – вслух произнёс Огава и вышел из молельни.

Вдохнув свежий воздух полной грудью, мысли покинули его на некоторое время. Он огляделся по сторонам. Двор был начисто выметен и ухожен. У ограды, на грядках всё ещё цвели цветы, поражая разнообразием красок. Прямо за храмом, вдоль берега реки Миомотэ, ровным строем, словно выстроившиеся воины, росли деревья сакуры. Огава пожалел, что сейчас не весна и ему не полюбоваться на цветущую красоту этого места. Он хотел за чем-то позвать прислужника небольшого храма, но его не оказалось в его поле зрения и Нагасукэ направился к выходу, где его ждали пять его вассалов.

Выйдя за ворота, Огава не обнаружил слуг на месте и, хотел было окликнуть их, гневным возгласом, но острый тычок между лопаток, заставил его не издавать звуков. Оружие – два меча, у него тут же отняли. Ещё один тычок, и Нагасукэ, сделав несколько шагов вперёд, оказался в окружении незнакомых ему воинов. Точнее, они были знакомы, все до единого, и даже подчинялись ему, как оказалось, недостаточно. Возглавлял их маленький человек, не выше среднего роста, зато чрезмерно наглый и воинственный. Этот малыш, раздражённо подбежал к Огаве и огрел его прутом-мути прямо по икрам. Это заставило пленённого самурая упасть на колени. Встать он не попытался. Всё тот же наконечник упирался ему уже в шею, чуть ниже затылка. Маленький воин встал перед Нагасукэ и чего-то ждал. Теперь, когда коротышка перестал двигаться и снял шлем, Огава смог разглядеть его поподробней. Помимо маленького роста, сей воин обладал юношеским лицом, совсем молодым, не более пятнадцати. Выдающийся, до боли знакомый, нос с небольшим перегибом у переносицы, густые брови вразлёт и высокий лоб. Узкие глаза блестели бешеной яростью. Желание убить, так и отравляло воздух и наполняло его смрадом смерти. Но, кровь уже была пролита. Нагасукэ оглядел окружавших его воинов, у пятерых из них, на копьях были насажены головы его вассалов, и он понял, – их смерть сегодня не последняя.

– Как глупо! – выдавил из себя Огава.

Маленький воин подошёл к нему поближе и сдёрнул со своей головы хатимаки, служившую ему подшлемником. Пленник разглядел на голове юноши выстриженный на темени клочок волос.

– И как теперь тебя называть? – Огава иронично улыбнулся и добавил сквозь зубы. – Дорогой племянник.

– Хондзэ Ядзиро Шигэнага! – гордо и надменно заявил юноша, ещё несколько часов назад носивший детское имя Иномару. – Я двадцатый глава клана Хондзэ и единственный наследник Фусанаги! – юноша сунул Огаве прут под подбородок и приподнял его голову. – Ты убил моего отца, своего брата и господина! Завладел его домом и землями и спал с его женой! – обвинял его Шигэнага. – На что ты надеялся, оставив меня в живых?

– Это был глупый поступок. – спокойно отозвался Нагасукэ. Он понимал, жить ему осталось не долго, а посему, страшиться уже нечего. Пусть этот недомерок глумится над ним сколько угодно. Огава не ударит в грязь лицом и не согнётся перед ним. – Да и с чего ты взял, что я убил твоего отца? В то время, когда он умер от страха, – Огава нарочито подчеркнул последнее слово. – я находился в замке Хондзэ. Все это видели.

Последовал сильный пинок в лицо. Шигэнага бил с несвойственной его возрасту силой, видимо ярость удваивала его мощь.

– Проклятый лжец! – выругался юноша. Он пнул пленника ещё раз. Нагасукэ не сдержал удар и опрокинулся навзничь. Шигэнага не успокоился. Он прыгнул ему на грудь и снова начал пинать пленника по лицу, до тех пор, пока нога не устала. Потом он осыпал его ударами мути.

Через некоторое время Шигэнага успокоился, выплеснув свою ярость, он плюхнулся на, принесённый ему, складной стул и стал ждать пока его дядя не придёт в себя. Но, Огава не

желал встать, или попросту не мог. Тогда воины взяли его под руки и бросили под ноги своего юного господина.

– Скажи, – уже более сдержанно произнёс Шигэнага. – зачем ты убил его?

– Я уже сказал. Это был не я. – хлюпая и хрипя, ответил Нагасукэ. Его лицо походило на кровавую кашу, разбитое и иссечённое.

На мгновение Хондзэ засомневался, а что, если это действительно был не он? Зачем он так упирается перед смертью. Но нет, он мотнул головой, отгоняя подобные мысли. Это он убил отца, дух ему сказал. А духи не врут.

– Ты настолько горд, что не желаешь сознаться в предательстве? – Шигэнага наклонился к Огаве поближе. – Разве гордость важнее чистой совести и достойной смерти?

– Свою совесть ты уже запятнал. – плюясь кровью выговорил Нагасукэ.

Хондзэ оскалился, став похожим на маленького демона-они, поскольку его лицо сильно побагровело от злости. Он хотел зарубить Огаву на месте, но не стал. Как бы зол он не был, дух Нагасукэ впечатлил его, и Шигэнага решил поступить не так, как хотел изначально.

– Дайте ему малый меч! – приказал юный глава.

Воины переглянулись.

– Но господин, он ведь ни в чём не сознался! Давайте выьем из него признания, а потом убьём!

– Я хотел отомстить за отца, и я это сделал! – уверенно произнёс Шигэнага. – Огава умрёт и его клан тоже! Я сожгу его замок, убью всех слуг и уничтожу всё, что связано с его именем! Клан Огава канет в забвение! Разве это не хорошая месть? – он снисходительно глянул на ползавшего в крови у его ног дядю. – Что же касается моего отца и клана, то я восстановлю их доброе имя и положение своими силами! Дайте ему клинок!

Хираго, что изначально держал Огаву на острие своего копья, небрежно бросил ему его вакидзаси. Вид у Нагасукэ, поистине был жалок. Он, кое-как поднялся на колени, с превеликим усилием скинул верхнюю куртку-дзинбаори, высвободил обе руки из косодэ, ослабил оби и обнажил нижнюю часть живота.

– Эй, племянничек! – позвал Огава, сплёвывая зубы. – Не желаешь снести мне голову? Или кишка тонка?

Шигэнага, не имея желание отвечать на подначки живого трупа, молча вынул свой меч и подошёл к Нагасукэ слева, остановившись чуть поодаль, за спиной. Замахнувшись, он стал ждать.

– Сможешь ли ты снести мне голову с одного удара? – спросил Огава. – Может, представишь эту возможность Хираго?

– Не сомневайся! – со злой обидой рыкнул Хондзэ.

– Тогда слушай. – Нагасукэ набрал побольше воздуха, чтобы чётче выговорить слова. – Это я заказал убийство твоего отца. Я нанял искусных шиноби, чтобы они обставили всё так, будто Фусанага умер от несчастного случая. Уж кто знает, на какие фокусы способны эти убийцы-тени, но сделали они всё даже лучше, чем я ожидал.

– Зачем? – лицо Шигэнаги затряслось от гнева.

– У твоего отца были земли и положение, гораздо больше чем у меня. Но, он оказался не на той стороне, не на стороне победителей. Он мешал им, и они поручили мне его убрать. Теперь всё. – Огава обернул лезвие вакидзаси рукавом косодэ, чтобы оно не вошло слишком глубоко, и вонзил клинок в левую часть живота. Напрягся и повёл холодную сталь вправо взрезая плоть и внутренности. Когда малый меч, обогнув дугу, чуть ниже пупка, остановился с правой стороны живота, Огава уже бился в конвульсиях. Шигэнага, почему-то не рубил. Нагасукэ, из последних сил повернулся, чтобы посмотреть на своего племянника. Тёплые кишки вывалились на колени своего владельца, обдав его напоследок неприятным запахом.

Хондзэ стоял в стороне, равнодушно наблюдая за ужасающим кровавым действием. Его катана спокойно покоилась в ножнах за поясом. Огава в последний раз скривился, извился в предсмертной агонии и опрокинулся вперёд, лицом в собственную лужу крови.

Когда кровавое представление закончилось, Шигэнага подошёл к трупам. Ничуть не брезгуя, юноша поднял покойника за волосы, и молниеносно вынув меч из ножен отсёк ему голову с первого удара, одной рукой. Гнев поистине придавал ему большую силу, что даже его сторонники ужаснулись такими выходками своего нового господина. Все они стояли с каменными лицами взирая на юного Хондзэ.

– Хираго! – внезапно позвал Шигэнага своего главного вассала, заставив от неожиданности всех вздрогнуть. – Выдели пятерых человек, пусть они возьмут голову Огавы и едут в замок. Голову повесят над главными воротами. Мою мать под замок. Всех недовольных убить. Те, кто верны Хондзэ, приготовить к обороне.

– Что вы задумали господин? – Магосабуро, откровенно впадал в ужас, подумав, что ещё может прийти в голову этому юноше.

– Мы, то есть я и остальные тринадцать человек, отправимся в замок Огавы и наведём там порядок. – ответил Шигэнага. Он неоднозначно оглядел своих воинов. – И что вы встали?

Вассалы тут же сорвались с места. Хираго сделал всё, как приказал господин, а сам отправился с ним к замку Огава, у него и в голове не укладывалось, что этот маленький демон учинит там.

К замку Огава они подошли под знамёнами и отличительными знаками его хозяина, добытыми у убитых вассалов Нагасукэ. Подъехали впятером, – Шигэнага, Магосабуро и ещё трое. Остальные затаились неподалёку. Как только ворота были открыты, юный Хондзэ, первым вырвался вперёд и начал рубить всех направо и налево. Остальные безоговорочно последовали за ним, включая тех, кто был в засаде. Во дворе замка создалась паника. Стражники пытались организовать сопротивление, но так и не смогли сделать ничего существенного. Гарнизона в замке было мало, все вассалы сейчас отсутствовали, пребывая в своих владениях, ведь нападения никто не ждал. Конечно, они находились неподалёку, и увидав дым от подожжённых строений, могли прийти на помощь. Но, это вряд ли спасло бы обитателей замка, поскольку вассалов у них было не много. Всего-то полдюжины самураев, большинство которых Нагасукэ увёл с собой, да сотня крестьян, мобилизованных в ашигару. Поскольку последние на помощь вряд ли придут, замок Огава был обречён.

Шигэнага ни щадил никого. Под его смертоносной катаной падали все, начиная от стражников и кончая согбенными стариками. Смерти были преданы все члены клана Огава. Жену и наложницу Нагасукэ, Хондзэ убил сам. Не пожалел он и сына своего кровного, уже покойного, врага. Тот был на несколько лет старше его самого, но в честном поединке на мечах, который Шигэнага ему благородно предоставил, он оказался не искусен. Остальных перебили вассалы Хондзэ и запалили замок. Лишь одного человека пощадил Шигэнага, но участь уготовил ему не самую сладкую.

У Нагасукэ был младший брат, который заведовал документами клана. У этого брата была дочь, прекрасная, словно цветущая сакура. Не устоял перед её красотой и юный Хондзэ. Его воины оттащили сею девицу от тела её убитого отца, накинули мешок на голову, связали и закинули поперёк седла лошади их господина. Шигэнага, удовлетворившись учинённой им резнёй, запрыгнул на того же коня и поскакал прочь. Вассалы, похватав кто, что успел из ценного, не пропадать же добру, двинулись следом.

К полуночи всё было кончено. Отряд Шигэнаги, целый и невредимый, благополучно возвращался домой, оставив за собой горы трупов и пожарищ.

* * *

Замок Хондзё.

Вид с вершины горы Муракамиама открывался поразительный. Она возвышалась над северными землями, будто древняя Императрица, сидящая на высоком троне, над головами своих подчинённых. С самой вершины можно было разглядеть всю округу. Осенние краски подступали к ней со всех сторон. Изумрудными великанами глядели на неё с севера длинноногие криптомерии, заполонившие гору Гэдо. С востока, золотом и зеленью, подплывали разнообразных лесов высоких холмов. С юга, слева и справа, неумолимым огнём полыхали алые и золотистые клёны. На западе, за многочисленными домами близ лежащих деревень, в далёкую непроглядную дымку, уходили тёмные воды моря Нихон.

Шигэнага взобрался на высокую смотровую башню, установленную на самой вершине рядом с тэнсю, чтобы оглядеть свои огромные владения. Всё его естество трепетало от такого великолепия. Он чувствовал, что возвышался над всеми. Подобно великому каму, что смотрит на землю с горы Мира. Его рот растянулся в улыбке. В надменной и недоброй.

– Ты доволен? – раздался внезапно глухой голос за его спиной.

Шигэнага не испугался. Наверное, он совсем лишился всякого страха перед кем-либо. Тем более, что он знал, кому принадлежал этот голос.

– Я отомстил! – торжественно произнёс он, не оборачиваясь. – Я победил Огаву и вернул земли, принадлежавшие мне по праву! – он небрежно хмыкнул. – Не так уж это было и сложно.

– Но это ещё не всё. – произнёс дух. – Что ты будешь делать с остальными?

– Какими остальными? – переспросил Шигэнага обернувшись. – Ты имеешь ввиду Аюкаву? Этот никчёмный любитель древности не сможет противостоять мне! У него людей то нет. Ты видел? Замок Огавы ещё не успел догореть, как все местные псы сбежались под моё начало!

– Так и есть. – согласился дух. – Но, не забывай об Иробэ. А самое главное – о Нагао.

Шигэнага скривил недобрую мину. Он считал, что со стариком Кацунагой можно было разобраться, но Кагэтора. Новый сюго, фактически являлся хозяином этих земель, хоть и отдал управление северным кланам. А надзирать над всеми, поставил всё того же Иробэ Кацунагу.

– Ничего. – проронил Хондзё. – Разберёмся и с ними. – взгляд его неожиданно скользнул в южную сторону. Там, среди обширных полей и разбросанных, тут и там, деревень, вздымался высокий столб пыли. Не иначе, как воинский отряд торопиться подступить к замку Хондзё. Хотя, Шигэнага не мог похвастаться орлиным зрением, но, он готов был поклясться, что на знамёнах этого отряда выделялись три бамбуковых побега, заключённых в кольцо.

– Помяни старого демона, он и появиться! – выругался юный воин. Он снова повернулся к духу, но тот исчез, так же внезапно, как и появился. Зато, под башней Шигэнага разглядел одного из своих воинов, машущего своему господину руками. – Что тебе?! – раздражённо крикнул Хондзё.

– Господин! Прибыл гонец от Аюкавы! Он говорит, что Киёнага-сама скоро прибудет и пожелает говорить с вами!

– Не пожелает, а испросит разрешения! – поправил слугу Шигэнага. Он глянул на северо-восток. Примерно в одном риде от горы, юноша разглядел ещё один отряд. Его было плохо видно из-за непроглядных лесов, но с такой-то высоты, это было вполне возможным. Хондзё не сомневался в том, кому принадлежал этот отряд. В той стороне находился лишь один замок – Обадзава, владения Аюкавы.

– Что передать гонцу? – напомнил о себе воин.

– Скажи ему, пусть передаст своему господину, чтобы тот дождался Иробэ, старый демон уже в часе пути отсюда, и только тогда я приму их! Но, только их двоих! Если они не согласятся

на эти условия, то пусть убираются в Дзигоку! – с самодовольной улыбкой прокричал Шигэнага и коротко хохотнул, довольный своими словами.

Воин тут же удалился исполнять поручение, а юный Хондзё продолжил наблюдать за передвижением незваных гостей. Он не совсем понимал, что хотят от него эти двое, ведь он был в своём праве, истинный наследник клана. Возможно, они не собираются мириться со смертью Огавы и хотят отомстить, или же решили подмять нового союзника под себя, ввиду его неопытности и юности.

– Что ж, посмотрим. – сам себе, задумчиво произнёс Шигэнага

* * *

Аюкава, ровно, как и Иробэ, не пожелали отправляться в замок Хондзё в одиночку. Но юный хозяин замка, после двух часов переговоров, с помощью посыльных, изменил своё решение и решил встретить гостей у главных ворот замка. Переговоры, должны были состояться на деревянном мосту перекинутому через глубокий и широкий ров, прямо посередине. Аюкава и Иробэ восседали на складных стульчиках, устланных звериными шкурами. Рядом с ними, по обе стороны, стояли верные самураи, готовые в любой момент прикрыть своих хозяев. Эта встреча была не менее рискованной, чем, если бы они вдвоём отправились в замок, ведь со стен их свободно могли утыкать стрелами лучники Хондзё. Причём, почти в упор. Но, здесь, в случае недобрых намерений юного хозяина замка, у старых вояк был шанс спастись. Маленький, но он был.

Шигэнага появился после того, как его гости благополучно устроились под прицелами его лучников. Юный Хондзё вышел в доспехах и при оружии. Разве что голову его прикрывал не шлем, а узкая полоска хатимаки с нашитой металлической пластиной. Сопровождало его семь человек, тоже в полном вооружении. Хондзё и гости поклонились друг другу и снова уселись на свои стулья.

– И так, что вы хотите? – Шигэнага лукаво ухмыльнулся. – Только не говорите, что прибыли засвидетельствовать своё почтение, в сопровождении вооружённой армии, в это даже не поверила бы моя лошадь.

– Да он издевается! – разъярённо выкрикнул Аюкава и посмотрел на Иробэ.

Кацунага, в свои пятьдесят восемь, перестал взрываться по всяким пустякам и стал более сдержанным и рассудительным. Тем более, если его провоцирует какой-то юнец, едва оторвавшийся от кормящей его груди. Он спокойно, не отрывая глаз, изучающе смотрел на Шигэнагу из-под густых бровей. Иробэ напоминал гору, вершину которой изрядно усыпало снежной сединой. Его густая борода падала на нагрудный панцирь, а плечи были широко расставлены, показывая свою непоколебимость. Он молчал.

Аюкава понял, что от Иробэ не дождёшься слов, возмущённо глянул на своего племянника:

– Зачем ты убил Огаву? Кто позволил тебе вершить самоуправство? Ты...

– Во-первых, если вы, дядя, забыли этикет, то я с удовольствием вам напомню, что обращаться к равному нужно с уважением. – перебив, иронично, как можно медленнее, подчёркивая каждое слово, вымолвил Шигэнага. – Или древние воины не знали, как нужно разговаривать? Может, они вообще не умели говорить и только мычали, подобно тягловым быкам? – Киёнага аж побагровел от переполняющей его ярости и, хотел было встать, схватившись за меч, но Шигэнага вытянул вперёд руку, предостерегающе покачав пальцем и продолжил. – Во-вторых, я Хондзё Ядзиро Шигэнага, настоящий владелец этих земель и, по положению своему, стою выше вас. Отсюда следует, что вы, должны обращаться ко мне не как к равному, а как к вышестоящему, а ещё лучше, как к своему господину.

Казалось, Аюкава взорвётся от переполняющей его злости и, в конце концов, схватиться за меч, но даже он, не отличающийся невозмутимостью, следуя примеру Иробэ, с большими усилиями подавил ярость.

– Шигэнага-сан, – сквозь зубы процедил Киёнага. – Зачем вы убили Огаву?

– Известное дело! – развеселился Хондзэ, нагло глядя на своего дядю. – Он убил моего отца, а я убил его, и всю его семью.

– Но это были лишь слухи. – гнев не оставлял Аюкаву, но он держался. – Всем известно, что Хондзэ Фусанага умер от...

– Даже не смей говорить так! – снова оборвал его Шигэнага. – Огава, перед смертью сознался в своём предательстве. Мои воины тому свидетели. – юный Хондзэ пересказал Аюкаве и Иробэ предсмертные слова Нагасукэ. Киёнага был обескуражен от услышанного, а Кацунага оставался всё той же, недвижимой горой.

– Так, что вы хотите? – повторил первоначальный вопрос Шигэнага. – Я слышал, что вы Киёнага-сан, тоже причастны к смерти моего отца. Косвенно, конечно, но это не меняет вашей вины.

– О чём ты... вы говорите? – гнев Аюкавы немного поубавился, но он всё равно был в ярости от нахального поведения юного Хондзэ. – Я спас вашу мать от гибели, позволив вам родиться, и присматривал за вами, пока вы росли.

– Моя мать обычная шлюха! – не выдержал Шигэнага. – Она такая же предательница, как и ты! – теперь пришла очередь юноши хвататься за меч, но тут встрял Иробэ.

– А ну хватит! – раздался сильный голос. – Первый, – ребёнок решил поиграть в господина, а второй, – опытный воин, забывший, что он взрослый! – укорил обоих Кацунага. – Киёнага, угомонись! Твои слова только разжигают огонь в сердце этого мальчишки. – Шигэнага привстал, собираясь возразить, мол – «кто тут ребёнок?». Но грозный вид Иробэ, заставил его присесть. И, тем не менее, Хондзэ оставался на стороже. Он уважал Кацунагу, как воина и был бы рад иметь такого союзника, но они, пока, были по разные стороны. Кацунага продолжил. – Я не собираюсь слушать здесь ваши склоки и разрешу ситуацию так: Ты, Шигэнага-кун, поступил правильно, отомстив за отца и выбив из Огавы признание. К тому же, у тебя хватило ума учесть право на месть со стороны клана твоего врага, и ты вырезал всё семейство под корень. Это хорошее качество для воина во время войны. Но, сейчас мир! Поэтому, твои действия расцениваются как мятеж. Я и Аюкава имеем полное право покарать тебя.

– Что-то я не понял Кацунага-сама, вы пришли меня хвалить или убивать? – с толикой насмешки спросил Шигэнага.

– Я прибыл посмотреть на тебя и оценить. – ответил Иробэ, глядя в глаза юноше. – И мне ты по нраву. Я бы даже оставил тебя в живых, но, к сожалению, твою судьбу буду решать не я. От себя же скажу, – ты должен оставить все попытки отомстить Аюкаве, тем более, что он не повинен в смерти Фусанаги, твоего отца. А когда сюда прибудет Кагэтора-сама, ты должен поклясться ему в верности, и тогда, возможно, твой клан останется не тронут, возможно, и ты сам останешься жив.

– Но я не хочу служить Нагао! – воскликнул Хондзэ. – Они знали, какую подлость совершил Огава и всё равно оставили его в живых! Они все виноваты! Нагао, Аюкава, Накадзэ и даже Уэсуги!

– Тогда было другое время. – спокойно ответил Кацунага на претензии юноши. – Сейчас всё изменилось. У нас появился сильный лидер, который заставил объединиться все кланы Этиго. Под его началом не одна зараза из соседних земель не просочится к нам. Зато, мы можем изрядно поживиться у них. В Канто и Синано сейчас преобладают Ходзэ и Такэда. С каждым днём они продвигаются всё ближе к Этиго и вскоре, мы непременно столкнёмся с ними. Но, если мы, как и прежде, во времена правления Уэсуги, Тамэкагэ и Харукагэ, будем разрозненны, то непременно проиграем. Подумай над этим, пока сюда не пребудет наш сюго.

– Не о таком Иробэ Кацунаге я слышал. – разочарованно покачал головой Шигэнага. – Вместо безудержного и яростного воина, который не признаёт над собой никого, я вижу смиренного старика заботящегося о своей безопасности.

– Ты много себе позволяешь. – прорычал Иробэ. – Но ничего, на первый раз я тебе это прошу. Я всё тебе сказал. – на этом Кацунага встал со стула и пошёл прочь.

Аюкава, всё ещё пышущий гневом, задержался, не отрывая взгляд от своего племянника. Он, с невероятной силой подавил в себе желание выплеснуть тысячи недоброжелательных фраз в адрес юноши, встал и, прежде чем уйти, напутственно произнёс:

– Я никогда не желал тебе зла, но твоя выходка поколебала моё расположение к тебе. Советую тебе прислушаться к Иробэ и сделать всё, чтобы твоё стремление возродить свой клан не осыпалось крахом.

Хондзэ ничего не ответил. Он задумчиво проводил взглядом удаляющихся старых воинов, встал и медленно зашагал к воротам.

Всё, о чём говорил Кацунага, юный глава клана передал своим вассалам. К его удивлению, все старшие слуги, согласились с Иробэ, но отдавать своего нового господина на расправу были не намерены. После долгих обсуждений решение было принято. Пусть Кагэтора, по прибытию, в сопровождении не менее десятка слуг, всё-таки он сюго и даймё, войдёт в замок и огласит своё решение по поводу судьбы Шигэнаги. Если всё останется как есть, то клан Хондзэ присягнёт на верность Нагао, а если же нет, то Кагэтору следует убить на месте. Возможно, что не все решат отомстить за своего князя, но и мстителей наберётся изрядное количество. Поэтому, весь замок заранее взялся готовиться к осаде. Конечно, штурм тоже был возможен, но благодаря крутым склонам и запутанным лабиринтам строений, эта затея окажется губельной для любой армии. Но, замок Хондзэ не такая уж крупная фигура, чтобы положить под его стенами несколько тысяч жизней, так что осада – самый лучший вариант для противника.

* * *

Кагэтора прибыл через три дня. На удивление Шигэнаги, с сюго привёл не больше тысячи воинов. Они расположились в пяти тё⁶ с южной стороны горы. Отряды Иробэ и Аюкава, не ушли и тоже стояли лагерем, только к северу, на южном берегу Миомотэгавы.

Хондзэ постоянно следил за всеми передвижениями со стен укреплений. Он видел, как Кацунага и Аюкава прибыли в лагерь князя Этиго и, видимо, что-то решали. Примерно через час, в замок прибыл гонец от Нагао с приказом пропустить его господина замок. Шигэнага ответил удовлетворительно, но с условием, что Кагэтора может войти только в сопровождении десяти человек. Это было достаточное число, для их быстрого устранения, в том случае, если юный Хондзэ и князь Нагао не договорятся. Гонец посетовал на наглость северных кокудзин, но удалился с ответом.

Через недолгое время у ворот появился человек. Высокий, статный, облачённый в белую дзинбаори с кандзи «Би» на спине. Из брони на нём были лишь поножи да наручи с нашитыми металлическими пластинами. За оби, как и положено, покоились два меча, длинный-катана и короткий-вакидзаси. Шигэнага узнал Кагэтору, хотя и видел его однажды, четыре года назад, когда он завершил объединение Этиго. Но почему он был один? Юный Хондзэ слышал, что даймё Этиго обладал большой храбростью, поразительными навыками и странным характером, но, чтобы явиться одному, ни много ни мало, а в замок врага. Шигэнага был крайне удивлён, и даже немного испугался. Может быть, это была какая-то уловка?

– Хорошо. – сказал сам себе Хондзэ, смотря на Кагэтору со стены. – Пропустите сюго! – крикнул он привратникам.

⁶ Тё – 109 м.

Ворота раскрылись лишь на одну створку, и князь вошёл. Он не смотрел на окружающих его воинов замка, а шёл лишь вперёд. Весь гарнизон смотрел на сюго с подозрением и скрытым страхом. Не потому, что Нагао был ужасен на вид, а потому, что он был один, без единого сопровождающего. У местных воинов в голове не укладывалось, как такой большой человек, властитель целой провинции, вот так бесстрашно и бесцеремонно, рискуя собственной жизнью, в одиночку сунется в пасть потенциальному врагу.

Гордо и уверенно, ни на мгновения не заколебавшись, Кагэтора преодолел запутанные дороги дворов замка, добравшись до самой вершины, где стояла тэнсю. Главной башней это было назвать сложно. Небольшое поместье-ясики, которых на горе Касуга, в его доме, было не один десяток. Впрочем, кокудзин севера, больше уделяли внимание расположению замка и укреплениям, чем тэнсю, от которой, собственно, толку не было, если враг прорвётся внутрь, преодолев все препятствия.

Хозяин замка ждал даймё внутри главного дома в приёмной комнате, куда и проводили Кагэтору несколько стражников. Приёмная была проста и не затейлива. Фусума небыли украшены вычурными рисунками, как это было в Касугаеме, не наблюдалось и помоста, для хозяйина. Пол был ровным, устланным соломенными татами. Посередине комнаты стоял столик с двумя чарками и кувшином, по-видимому, наполненным сакэ. Шигэнага встретил Кагэтору один, но князь не сомневался, что за стенами прячется не меньше десятка слуг, готовые прийти на помощь хозяину по первому зову. Хондзэ сидел перед столиком, жестом приглашая даймё к угощению.

– Прошу извинить меня за столь скудное угощение, – учтиво произнёс Шигэнага. – Но думаю, в данном случае, сакэ как нельзя кстати.

Кагэтора кивнул, соглашаясь, и присел напротив Хондзэ. Юный хозяин налил горячительный напиток князю и себе, поднял чарку, в знак приветствия и выпил первым, дабы убрать все подозрения об отравлении. Кагэтора последовал его примеру и осушил свой сосуд одним глотком. Шигэнага разлил ещё.

– Чем я удостоился лицеизреть господина сюго? – спросил Хондзэ с малой толикой иронии, после того, как они пропустили по второй чарке.

– Брось эти формальности Ядзиро. – сказал князь, назвав личное имя Шигэнаги, будто они с ним друзья или родственники. А может, господин и слуга? – Я здесь не для того, чтобы слушать твои лукавые речи. – продолжил Кагэтора. – Расскажи мне всё, что касается твоего мятежа и почему ты вырезал весь клан Огава?

Шигэнага ожидал, что даймё будет показывать свою жёсткость, бросаясь обидными словами. И это ему мало нравилось, но он сдержался и удовлетворил требования князя, рассказав ему всё, в самых мельчайших подробностях.

– Значит, – произнёс Кагэтора, выслушав Шигэнагу. – Это была не столько месть, сколько обида. Огава относился к тебе плохо и пользовался добродетелью твоей матери, чтобы удерживать клан Хондзэ в своих руках.

– Плохо!? – выкрикнул Шигэнага. – Вы называете это плохо? И к тому же, с чего вы взяли, что это не было мстью? Огава сознался в своём предательстве, а значит, я оказался прав.

– Но ты не знал наверняка, что заговор против твоего отца исходил от Огавы. – парировал Нагао. – Либо ты, ведомый лишь слухами и предположениями, действовал, не видя истины. Либо, у тебя есть точные сведения. Скажи мне правду. От этого зависит твоя жизнь.

– Вы угрожаете мне Кагэтора-сама? – усмехнулся Шигэнага. – Вы здесь совершенно один. Неужели вы будете рисковать собственной жизнью, чтобы убить меня? Поверьте, у вас это не выйдет.

– Не стоит уповать на неприступность твоего замка. – невозмутимо произнёс Кагэтора. Он сдвинул брови и его пристальный, тяжёлый взгляд, будто пронзил юного Хондзэ насквозь. – Также, не стоит думать, что я беспомощен, покуда, нахожусь в одиночестве. Я хочу слышать

от тебя правдивые слова, хотя и знаю, что ты можешь мне сказать. Если же ты не будешь со мной откровенен, я выйду из замка, точно так же, как и вошёл. Только теперь со мной будет твоя голова.

Шигэнага хотел было встать и выпалить всё то, что он думает о клане Нагао, но внезапно им овладел страх. Ноги перестали слушаться, руки затряслись, а сердце бешено застучало в груди. Он хотел совладать с этим, но у него ничего не получалось. В голове зазвучали странные звуки, напоминающие стоны умирающих, бульканье крови и скрежет метала по костям. Перед глазами встала картина того дня, когда Шигэнага учинил резню в замке Огава. Только тогда он не понимал, насколько это было жестоко и беспощадно. Тогда он, ведомый порывами гнева, не задумывался над своими действиями. Но сейчас, объятый непонятным страхом, он с ужасом осознал, что натворил.

– Ты хорошо держишься. – похвалил непонятно за что, Кагэтора.

Шигэнага очнулся. Длившееся мгновение назад оцепенение, как рукой сняло. Он тут же потянулся за кувшином. Налил полную чарку и залпом осушил.

– Что это было? – выдавил он. – Это вы сделали?

– Нет. – покачал головой Кагэтора и тоже выпил. – Это сделал ты. Я лишь показал тебе, к чему приводит неоправданная жестокость.

– Но я должен был отомстить. – Шигэнага ещё не до конца пришёл в себя и его слова звучали не столь гневно, как раньше.

– Ты бы мог обратиться ко мне. Привести доказательства. Я бы приговорил Огаву Нагасукэ к сэппуку, а тебя назначил бы кайсяку. Твоя рука снесла бы ему голову и месть была бы исполнена. Клан Огавы не имел бы к тебе претензий, поскольку приговор был бы мой и большого кровопролития не состоялось. Но ты, поступил как мятежник, да ещё и очень жестокий. – Кагэтора ещё раз грозно взглянул на Хондзё. – Ты совершил достаточно преступлений, чтобы я мог наказать тебя. Но, я верю, что человек может исправить свои ошибки, оступившись однажды. Ответь. Как ты узнал о том, что сделал Огава?

– Мне, сказал мой отец. – виновато, совсем не свойственно для него, проронил Шигэнага, опустив голову. Он понимал, что этот абсурдный ответ не убедит князя, поскольку Хондзё Фусанага погиб ещё до рождения своего сына. Но, то, что юноша услышал дальше, в корне его поразило и страх снова подкрался к его глотке.

– Вот значит кто это. – произнёс Кагэтора, коротко усмехнувшись. – А я всё гадал, где я мог видеть его. – даймё коротко поклонился, кому-то, находившемуся за спиной Шигэнаги.

Юноша быстро обернулся по сторонам, но в комнате, кроме него и князя никого не было.

– Вы про кого? – недоумённо спросил юноша. – Кому вы поклонились?

– Фусанаге. Твоему отцу. – без доли смущения ответил Кагэтора. – Ведь это он находится рядом с тобой?

– Вы видите его? – глаза Шигэнаги расширились. – Но как? Даже я его сейчас не вижу!

– Духи становятся осязаемыми только тогда, когда хотят этого сами. – поучительно промолвил Нагао. – Но, если хорошенько попрактиковаться, то человек сможет различить эту тонкую грань между живыми и мёртвыми. Но, даже если не видеть их, то вполне можно почувствовать. Когда они рядом, само ощущение, окружающей, и пронизывающей тебя ки, начинает меняться. Это чувствуется очень тонко и порой, не всё можно описать доступными пониманию словами.

Шигэнага находился в изумлении. Он смотрел на Кагэтору со смешанными чувствами восторга, уважения и страха. После продолжительного молчания, юный Хондзё нашёл в себе силы побороть свою гордость и низко поклонился князю Этиго.

Кагэтора вернулся к своей армии через два часа, приказав всем возвращаться по домам.

– Что вы решили с этим маленьким демоном? – с любопытством спросил Аюкава.

– Клан Хондзё, как и все остальные, будет служить Этиго. – ответил даймё. – Но, пока я не буду призывать его на службу.

– То есть как это? – не понял Киёнага. – Он будет подчиняться вам или нет?

– Пусть сперва покажет себя достойным главой своего клана, а потом видно будет, стоит ли этот юноша того, чтобы занять место среди воинов Этиго.

– А вы сами, как считаете? – поинтересовался Иробэ. Ему было интересно, как князь оценил Шигэнагу.

– Он, чем-то напомнил мне Харукагэ. – задумчиво произнёс Кагэтора. – Столько же ненависти, стремления к независимости, подпитанная чрезмерной жестокостью. Только, в этом случае, присутствует больше здравого смысла и рассудительности. Я думаю, что он сможет стать достойным воином и снискать себе славу на поле боя.

Глава 4

Заоблачный замок

Месяц яёй 21-го года Тэнмон (март 1552). Касугаяма, Этиго.

Господин Норимаса грустил. Он проклинал себя, буквально, хлестав руками по своему лицу. Дёргал свои усы, рвал волосы, бился лбом об пол и даже растоптал чарку из-под сакэ. В конечном итоге, он снова топнул по расколотым черепицам и засадил осколки себе в стопу. Белый таби его правой ноги, мгновенно окрасился в багровый цвет.

– А-а-гх! – взвыл Норимаса, упав на ягодицы и хватаясь за ногу. – Проклятье! Проклятый Ходзэ! Проклятый кубо! Проклятый Томосада! Проклятая Этиго! Будьте вы все прокляты!

– Что случилось Норимаса-сама?! – в комнату вбежал среднего роста крепыш в коричневом, с белым рисунком, хитатарэ и озабоченно взглянул на тосковавшего гостя. – Вы поранились? – увидав окровавленную ногу Норимасы, он стремглав оказался рядом с ним и аккуратно помог снять таби. Не раздумывая ни на мгновения, крепыш оторвал от своего одеяния рукав и быстро замотал пораненную ногу. – На первое время сойдёт. – заключил он. – Сейчас я позову лекаря. Он обеззаразит рану и сменит повязку.

Крепыш хотел было умчаться, но Норимаса остановил его.

– погоди! Как, ты говорил, твоё имя?

– Кагэсукэ господин. – поклонился крепыш. – Но вы, можете называть меня Ёкицу.

– Хорошо. – Норимаса приветливо улыбнулся. – Скажи мне Ёкицу, когда уже прибудет господин Кагэтора? Я не могу ждать так долго!

– Но вы прибыли только два часа назад. – удивился Кагэсукэ. – Я отправил гонца Кагэторе-сама, но... я думаю, что он прибудет не раньше поздней ночи или даже утром. У него очень важные дела в Нагаоке. Хотя, когда он узнает, кто почтил его своим присутствием, то непременно и без промедлений двинется в Касугаяму. Вы присядьте Норимаса-сама. Сейчас придёт лекарь, а после, я пришлю к вам девушек вместе с вкуснейшими блюдами и сакэ.

Норимаса поднял брови. Это предложение ему было по вкусу. Конечно, в сложившейся ситуации не время для веселья, но что ещё делать в этом скучном замке, во время долгого ожидания его хозяина. К тому же, Норимасе просто некому больше обратиться, кроме как к Нагао, бывшим вассалам и сторонникам.

После посещения лекаря Норимаса снова заскучал. Обещанного Кагэсукэ развлечения всё ещё не было, и он придался хандре.

– Будь они все прокляты. – тяжело вздохнул Норимаса. – А как всё хорошо начиналось...

Началось всё семь лет назад, когда бывшие враги, они же родственники, выходцы из клана Уэсуги – Огигаяцу Томосада и Яmanoучи Норимаса объединились против Ходзэ Уджиясу. Этот, отъявленный негодяй и выскочка, возомнивший себя завоевателем и не заслуженно именуемый «Львом Сагами», долго и упорно пытался изгнать Уэсуги с их земель. Выскочкой его называли не случайно. Его дед, будучи обычным ронином, с помощью своих верных союзников – предательства, коварства, лицемерия и вероломства, захватил провинцию Сагами, а после и близлежащие земли. Ко всему прочему, этот отпетый старик, сумел присвоить себе город Камакура, бывшую столицу сёгунов Минамото и даже отстроить его заново. Когда этот проходимец умер, его сынок, вконец обнаглев, взял себе древнюю фамилию Ходзэ и продолжил дело отца, расширяя свои владения. Однажды, кто-то сказал, – «Богатство клана рухнет на третьем поколении», как же этот человек ошибался. Этим третьим поколением и оказался Уджиясу. Поначалу его никто не воспринимал всерьёз, даже собственные вассалы, потому как «Лев Сагами» занимался делами, отнюдь не военными, заботясь больше о своём благосостоянии. На это и клюнули объединённые силы Уэсуги, решив отобрать обратно свои земли.

Однако, случилось так, что Уджиясу ничуть не уступает своим деду и отцу, а то и вовсе превосходит. Он легко разбил Уэсуги и продолжил заниматься своими делами, а именно, враждовать с Имагава и Такэда. Пока Уджиясу был занят, Томосада и Норимаса снова собрались с силами и, заручившись поддержкой Асикага Харуудзи ставленником сёгунов в регионе Канто, напали на стратегически важный замок Кавагоэ, принадлежавший Ходзё.

Армия Уэсуги была поистине могуча и переваливала аж за пятьдесят тысяч воинов, тогда, как в замке противника было не больше трёх тысяч. Командовал обороной Кавагоэ зять Уджиясу, а по совместительству и названный брат, Ходзё Цунашигэ, прозванный «Золотым Хатиманом». Этот-то «Хатиман» и продержал вражескую армию под стенами целый год. За это время в стане Уэсуги чего только не было. Дезертирство, пьянство, разврат и убийство. Всё это разбавлялось периодичными вылазками осаждённых, что ещё больше деморализовало армию. В конце концов, одной из долгих и похожих друг на друга ночей, армия Уэсуги была разбита в пух и прах. А всему виной оказалось очередная вероломная выходка Ходзё. Уджиясу прислал сообщение, что сдаст замок Кавагоэ, если его защитники будут отпущены. Все согласились на его предложение и уже начали праздновать долгожданную победу, как коварный Ходзё застиг мнимых победителей врасплох. Армия Уэсуги не готовая к битве, оказалась зажата в клещи, между Уджиясу и вышедшим из замка, Цунашигэ. В ходе сражения был убит Огигаяцу Томосада, Асикага Харуудзи бежал в свой замок Кога, а Яманоучи Норимасе пришлось скрыться на севере в провинции Кодзукэ.

Но на этом злоключения бедного Норимасы не завершились. Он, довольно рьяно, начал искать новых союзников, но, к сожалению, так и остался ни с чем. Клан Сатакэ из Хитати, отказал сразу, поскольку у него и своих проблем хватало. Мураками из Синано, поначалу согласились, но, как по наваждению, на них напал клан Такэда. Совсем отчаявшись, Норимаса, распродавая последние сбережения, нанял новую, хоть и небольшую, но всё-таки армию. Собрав, абсолютно разных по статусу, людей, он решил дать отпор Ходзё в замке Хираи, что находился в провинции Кодзукэ. Само собой, кроме наёмников, у Норимасы остались верные люди, но их было настолько мало, что канрэй, а именно такой титул носил Уэсуги Норимаса, даже не озаботился обеспечить их жалованием, а точнее, ему просто не хватило на это средств. Поэтому, вскоре, почти все «верные» разбежались, оставив своего господина с его бравыми наёмниками. Норимаса, рассчитывал, если и не победить Ходзё Уджиясу, то хотя бы отбиться. Да так, чтобы тот убрался обратно в свои земли. Но, даже наёмная армия не смогла устоять против пытливого ума «Льва Сагами». Даже самый преданный слуга Уэсуги, Нагано Наримаса, командовавший обороной Хираи не смог наладить хорошую оборону, с помощью разрозненной толпы наёмников. Этот старый вояка, чей возраст перевалил за пятый десяток, знал толк в оборонительной войне, но и ему не суждено было спасти клан Уэсуги от полного разгрома.

Казалось, всё было кончено и Норимаса, уже было смирился с поражением. Именно тогда, Нагано и посоветовал ему бежать в Этиго.

– О чём ты говоришь Наримаса? – обречённо спросил канрэй. – Этиго больше неподвластно Уэсуги. Нагао... – он всхлипнул. – Подлые Нагао, забрали всю власть себе! Разве ты не слышал?

– Всё так. – согласился Нагано. – Но и Нагао уже не те.

– Что ты имеешь в виду? – с малой толикой надежды, поинтересовался Уэсуги.

– Те, кто много лет назад предали ваш клан, давно покинули этот мир. Узурпатор Тамэкагэ и все его сыновья, погибли в кровавой междоусобице. – Наримаса сделал паузу. – Кроме одного. Младший сын Тамэкагэ, Кагэтора нисколько не похож на своего отца. Он...

– Тьфу ты! – Норимаса презрительно сплюнул, оборвав Нагано и отвернувшись, показывая, что не желает его больше слушать. – Я всё это знаю! Именно этот Кагэтора и забрал всю власть у моего покойного родственника Сададзанэ! К твоему сведению, именно Нагао сейчас сюго, а не Уэсуги, как должно быть!

– Господин! – неодобрительно воскликнул Наримаса. – Дайте же договорить! Когда я закончу, будьте уверены, вы измените своё решение.

– Ладно. – кивнул Уэсуги. – Но только по короче. У нас тут осада, как-никак.

– Кагэтора не отбирал власть у сюго. – продолжил Нагано, пытаясь изъясниться как можно лаконичней. – Сададзанэ-сама сам отдал ему пост, перед своей смертью. А тот, Кагэтора, поклялся, что восстановит клан Уэсуги в своих правах, чего бы это ему не стоило.

– Вот как? – заинтересовался Норимаса. – Значит, ты говоришь, что мне стоит собираться в Этиго и попросить... Нет, потребовать у Кагэторы помощи, ссылаясь на его клятву!

– Вы правильно меня поняли. – улыбнулся Нагано.

– Тогда, чего же мы ждём!? – Норимаса оживлённо подпрыгнул с пола, встав на ноги. – Тацувакамару, собирайся! Мы едем в Этиго! – позвал он своего сына.

Юноша, совсем ещё ребёнок, не старше одиннадцати лет и непрошедший обряд гэмбуку, оторвался от бойницы и удивлённо воззрился на отца.

– Я никуда не еду! – решительно заявил он. – Я нужен здесь, в Хираи!

– Мальчик мой! – поражённо воскликнул канрэй. – Какой Хираи? Ты слышал Нагано? Замок обречён, и мы вместе с ним, если не уберёмся отсюда.

– Нет! – упрямо ответил Тацувакамару. Он, как и все в замке, был облачён в доспех и, как и все, наблюдал за врагом из бойницы тэнсю. – Вы глава клана отец! Вы должны сохранить себе жизнь и отомстить Ходзэ! А я, как почтительный сын, должен прикрывать ваш отход!

Норимаса залился слезами. Он ещё долго пытался убедить Тацувакамару, оставить эту затею, но мальчик был не преклонен. А когда с улицы донёлся рёв нападающих врагов, Нагано начал торопить своего господина. Растроганный храбростью сына и глубоко опечаленный расставанием, Норимаса решился. Он поручил Тацувакамару заботам его опекуна Цушикада Шинсукэ, наказав, что, если замок наверняка падёт, они должны будут бежать. Шинсукэ поклялся, что не оставит своего воспитанника в беде. Тогда, Норимаса крепко обнял сына и поспешно, не оборачиваясь, удалился из тэнсю и вскоре бежал из замка.

Но даже после этого, беды не покинули его. Нагано Наримаса, оставил своего господина по дороге и удалился в свой замок Минова, где находилась вся его семья и которую, он намеревался защищать. Норимаса остался лишь с пятью слугами, с которыми двинулся дальше. Но в Этиго он попасть так и не сумел. Шёл месяц мицуки⁷ и горный перевал Микуни, ведущий из Кодзукэ в вотчину Нагао, был полностью завален снегом. Норимасе пришлось переждать зиму в замке Нумата, стоящего недалеко от дороги к перевалу у подножья гор. Местный владелец-каро, был лоялен к клану Уэсуги, поэтому любезно предоставил канрэю кров. Всё это время, пока Норимаса провёл в Нумата, он не находил себе места. То пытался преодолеть перевал по снегу, но, не пройдя даже ри, возвращался назад. То порывался вернуться в Хираи, хотя давно было известно, что замок пал. Он даже не имел ни малейшего представления, что случилось с Тацувакамару. Ходили слухи, что мальчик погиб, другие утверждали, что он попал в плен, но были и такие, которые рассказывали, будто он скрылся в соседней провинции вместе с несколькими вассалами Уэсуги. Норимаса надеялся, что последние утверждали верно, но всё равно был не спокоен. В конечном счёте, канрэй начал пить. Сначала по несколько дней, потом недель и, наконец, достиг отметки в целый месяц.

Однажды, после очередной попойки, хозяин замка Нумата Акиясу, вывел не протрезвевшего Норимасу на одну из своих смотровых башен и указал на юг. Уэсуги потирал глаза, закрывавшись рукавом косодэ от восходящего солнца, пока, наконец, не увидел, в нескольких ри от замка, пестреющие, словно цвета радуги, несметные полчища знамён Ходзэ. После такого зрелища, безмерно горящий канрэй, тут же протрезвел. Замок незамедлительно ввели в осадное положение, но Ходзэ атаковать не спешили и с места не двигались.

⁷ Мицуки – январь.

Так прошёл целый месяц. Враги обложили все пути отхода, кроме одного – дорогу на Этиго. Тогда Норимаса и решился. Нумата Акиясу снабдил канрэя и его спутников припасами на несколько дней и пожелал удачи. С тяжёлым и беспокойным сердцем, Норимаса тронулся в путь.

Несмотря на то, что у подножья гор, весна уже давно пришла, в горах всё обстояло совсем по-другому. Снег здесь, едва начал таять, но деваться было некуда, позади враги, слева и справа непроходимые и высокие горы, а впереди...впереди Норимасу ждало спасение...

– В пути я потерял двоих спутников. – жаловался Норимаса, троим женщинам, которых привёл Кагэсукэ. Те вились вокруг него словно змеи. Одна гладила его по волосам, будто мать жалела ребёнка, вторая делала ему массаж целой ноги, а третья, то и дело подливала сакэ и подносила к губам бедного канрэя. – Одного задрали волки, вовремя ночного привала, а второй сорвался в пропасть, прихватив с собой всю нашу провизию.

– Ужас! – воскликнула одна из девиц, та, что гладила Норимасу по голове, которая покоилась у неё на коленях. – И как же вы добрались до Касугаямы без еды?

– Это был суший кошмар! – продолжал причитать канрэй. – Мы шли целых три дня, без единой крошки во рту. Благо, один из моих слуг додумался растопить снег в своих ладонях, и мы вдоволь напились.

– Вы настоящий герой! – поддакивала массажистка. – Не каждый сможет вот так! Целых три дня без еды! Подумать только!

Норимаса тяжело вздохнул, вспоминая свой нелёгкий путь.

– А ещё, – Вдруг, как бы невзначай, вспомнил канрэй. – мы натолкнулись на разбойников! – он неожиданно вскочил на ноги и схватил свой меч, стоявший рядом на подставке-какэ, вынул из ножен и взмахнул над головой. Девушки ахнули от неожиданности. – Вот этим мечом я прогнал их прочь! И даже убил одного! – Норимаса сделал прямой выпад и тут же скорчился от боли, наступив своей правой ногой на пол. Он снова бухнулся на колени к одной из девиц, жалобно постанывая. – Какой позор! – причитал Уэсуги. – Прodelать такой путь и быть раненым какой-то треклятой чаркой!

Норимаса ожидал что девушки рассыплются в очередных ласках, жалея его, но, ничего не последовало.

– А вы обманщик Норимаса-сама! – укоризненно, но без злобы, произнесла одна из девиц, наливавшая сакэ. – Вы не могли встретить в этих краях разбойников. Всех воров, убийц, грабителей и мародёров Кагэтора-сама изловил и казнил. А тех, кто был поговорчивей, обязал трудиться на разных работах.

– Что-о!?! – Норимаса возмущённо округлил глаза и привстал на локте, но неожиданно понял, что он пришёл просить Кагэтору о помощи и, с его стороны, было бы весьма невежливо оболгать местного даймё. – Ну-у, может быть это были не разбойники. – начал выкручиваться он. – Скорее-всего это были убийцы Ходзэ, посланные за мной вдогонку, не иначе. – Норимаса оглядел девушек. Заметив, что они немного смягчились, он нарочито, тяжело вздохнул и произнёс. – Ах, как же там мой Тацувакамару!

– Бедный господин. – снова послышалась сладостная женская реч. Та, что ранее массажировала канрэю ногу, вновь принялась за свою работу. Нежными руками она разминала его икры, взбираясь всё выше под широкими штанинами хакама. – Не отчаивайтесь. Кагэтора-сама спасёт вашего сына. Он наш герой! Он посланник самого Бисямон-тэна!

– Бисямон-тэна!?! – удивлённо повторил Норимаса. – Он настолько силён?

– Он очень силён! – голос девушки стал более тихим и сладострастным. Её руки ритмичными движениями поднимались выше колена канрэя.

– И храбр! – произнесла другая. Взяв руку Норимасы, она медленно завела её под своё фурикодэ, остановив на мягкой, небольшой груди.

– Молод и красив! – продолжала подыгрывать третья и, вторая рука Норимасы оказалась под её подолом, прямо между ног.

– Он не знает поражений! – закончила массажистка, когда её руки нежно сжали чресла благоговевшего Уэсуги.

– Проклятье!! – только и выдавил он.

* * *

На следующий день Норимаса проснулся рано утром. Умывшись и приведя себя в порядок после бурной ночи, он решил пройтись по Касугаяме. Ёшиэ Кагэсукэ, исполняющий обязанности управляющего-каро в отсутствие Кагэторы, всюду его сопровождал. По дороге он то и дело показывал местные достопримечательности и рассказывал историю Касугаямы. Норимаса слушал с пренебрежительным интересом. Всё-таки, целью этой его прогулки было, не послушать местные легенды, а в действительности убедиться в том, что Нагао Кагэтора именно такой, как о нём говорят. А что ещё так говорит о характере человека, как его жилище и его люди. Хоть Уэсуги Норимаса, по своей сути, и был человеком не столь дальновидным и немного слабовольным, но людей он повидал много за свои тридцать лет и, как-никак, мог кое в чём разобраться.

Касугаяма показалась Норимасе очень мрачной, сырой и холодной. Снега здесь уже почти не было, но это не избавляло канрэя от ощущения озноба. Всё тут было каким-то блеклым и серым. Стены из сероватого камня, белая штукатурка, покрывавшая некоторые здания, крыши ясики и самого тэнсю, были выложены тёмной черепицей. А ещё этот туман, придававший всему ещё более тусклое очертание. Норимаса даже вначале подумал, что попал в мир духов и полного забвения.

Прогулявшись так меньше получаса, канрэй решил подняться на самый верхний этаж главной башни и рассмотреть всё оттуда. Когда он вышел на балкон третьего этажа тэнсю мнение его в корне изменилось.

На самой вершине тумана не было. Серая дымка лишь обволакивала саму гору, плотным кольцом и распространялась по всей округе, застилая всё на своём пути. Видимым оставался лишь главный двор. Туман, словно громадный белый дракон, извиваясь своим змеевидным туловищем, двигался вокруг замка, будто защищая его и в тоже время накрывая всё остальное, что находится за пределами Касугаямы. Норимаса тряхнул головой, отгоняя разыгравшееся воображение. Но, только теперь ему показалось, что замок парит над землёй в толще белых облаков. Поскольку, то тут, то там, рваными пятнами, начали промелькивать картинки другой жизни, там, под этим заоблачным сооружением. Ещё только вчера, сам Норимаса явился именно оттуда.

Ближе к полудню туман спал и Кагэсукэ пригласил канрэя посмотреть на открывшиеся части замка. Норимаса, проходя по Касугаяме, только и делал, что дивился изобретательности местных строителей. Укрепления Касугаямы показались ему столь мощными, многочисленными, запутанными и практически неприступными, уступающими разве что Одаваре.

– Одаваре? – переспросил Кагэсукэ, когда Норимаса излил на него весь поток своего восхищения. – Не та ли это Одавара, что принадлежит клану Ходзё и находится в провинции Сагами?

– Она самая. – подтвердил канрэй, скрипнув зубами при упоминании ненавистного ему клана. – Но, как бы я ненавидел Ходзё, Одавара поистине достойна восхищения! Это не просто замок! Это целый город! И если мы не уничтожим Уджиясу, она станет ещё больше и взять её будет уже не под силу и ста тысячной армии!

– Я даже представить не могу. – замороженно слушал Кагэсукэ. – Я ни разу не выбирался за пределы Этиго, поэтому Касугаяма для меня, это само величие и неприступность!

– Приятно видеть, что слуга не только служит своему господину, но и его дому. – похвалил Норимаса. – Даже превознося Одавару, я смею отметить, что замок Кагэторы действительно хорош. А если бы он стоял в более благопристойном месте, то непременно стал бы одним из великих творений Хиномото!

– Чем же вам не нравится это место? – не понял Кагэсукэ.

– Тут слишком холодно, – скривился канрэй. – очень сыро и грустно. – он глянул на, явно расстроившегося его словам, Кагэсукэ и быстро поправился. – Но, женщины у вас просто превосходные! – и тут его взгляд упал в сторону, туда, где на обширную, усыпанную песком площадку, вышли тренироваться местные воины. Но взгляд его приковали не все, а только один из них. – Смотри Ёкицу! Не это ли Кагэтора?

– Что? Где? – растерянный Кагэсукэ посмотрел туда, куда указывал канрэй.

Среди пары или тройки, сотен воинов выделялся лишь один. Здоровенный, просто исполинский, по сравнению с остальными, поскольку они едва ли доставали ему до плеча. Широкие плечи, толстые, мускулистые руки, копна густых, тёмных волос, не убранных в хвост и ниспадающих чуть ниже плеч. Норимаса не видел его лица, поскольку гигант стоял полубоком и в достаточном отдалении, но это, наверное, и было его счастье. В следующие мгновение раздался оглушительный рёв, подобный раскатам самого ошеломляющего грома.

– А ну шевелитесь псы дворовые! Взялись за мечи и разбились по парам, иначе я сам выбью из вас всю дурь!

Уэсуги даже прикрыл уши ладонями, но голос гиганта был не столько оглушительным, сколько ужасающим, продирающим страхом насквозь.

– Это...это не Кагэтора. – еле слышно проговорил Норимаса. – Это они.

Канрэй посмотрел на Кагэсукэ. Тот тоже стоял рядом как вкопанный, но менее испуганный.

– Вы правы Норимаса-сама. – не глядя на Уэсуги произнёс он. – Это и есть демон. Имя ему Оникоджима Ятаро. И, откровенно говоря, я и сам в последние несколько лет его побаиваюсь, так что пойдёмте отсюда, в Касугаяме можно посмотреть на более приятные места, нежели лицезреть как Ятаро тренирует своих подопечных.

– Где же Кагэторе удалось раздобыть такого страшного воина? – наполовину восхищённо, наполовину напугано, спросил канрэй, когда они удалились подальше от тренировочной площадки.

– Ятаро присягнул на верность господину, когда тот прошёл обряд гэмбуку, а до этого, служил его отцу Тамэкагэ. Ныне, он командует стражей Касугаямы. – ответил Ёшиэ.

– Он поистине могуч! – не переставал изумляться Норимаса. – Наверное, и в бою стоит не меньше десятка?

– Шутите. – хмыкнул Кагэсукэ. – Раскидать десяток врагов для него раз плюнуть. Этот бешенный демон однажды, чуть не разнёс целый замок в одиночку.

– И много у вас таких?

– Вполне. – коротко отозвался Кагэсукэ. – Норимаса-сама, прошу, пойдёмте обратно в ваши покои. – Ёшиэ решил для себя, что уже достаточно показал канрэю. Тем более, что самого Кагэсукэ, не слишком устраивала роль сопровождающего, да и сам Норимаса ему был не по нутру. Ёшиэ считал, что глава клана должен быть более мужественен, такой как Кагэтора или его отец, а не как эта размазня канрэй.

– Хорошо. – согласился Норимаса и погладил себя по животу. – А то я уже проголодался. – он последовал за Ёшиэ, но и на обратном пути не отставал с расспросами. – Я вот всё размышляю, про вашего господина все говорят только исключительно хорошее. Но разве воин и завоеватель может быть настолько положительным? Ведь должны же быть какие-то изъяны? К тому же, я слышал, что Кагэтора молод, а молодым случается ошибаться.

Кагэсукэ с недоброй подозрительностью посмотрел на канрэя. «А не желает ли этот Норимаса сыграть на давней распре Уэсуги и Нагао и подлить масло в огонь и без того непрекращающихся недобрых слухов? Может стоит его допросить? С пристрастием.» – подумалось Ёшиэ. Но канрэй будто прочёл его мысли.

– Нет, нет! – замахал он руками. – Вы неправильно меня поняли! Я просто хочу узнать побольше о вашем даймё. Его так боготворят, что подобные слухи вызывают повод для размышления о загадочности такого человека.

– Что вы имеете ввиду? – не понял Кагэсукэ.

– Говорят, будто Кагэтора – это Kami, сошедший с небес. – пояснил Норимаса. – А каков он на самом деле? Прошу, расскажите?

Ёшиэ хитро прищурился, подумывая нагнать на канрэя страху и представить господина во всей божественной красе. Но, в конце концов, решил оставить эту затею, ведь даймё непременно узнает об этом и может серьёзно наказать.

– Я думаю, – произнёс, наконец Кагэсукэ. – Кагэтора-сама скоро прибудет, и вы сами убедитесь, правдивы слухи или же нет.

* * *

Кагэтора и представить себе не мог, что официальные назначение и разбор должностей, окажутся столь скучными и продолжительными. Вместо того, чтобы тренироваться, охотиться или говорить с Бисямоном в святилище, князь уже несколько дней прозябал в Нагаоке. Каждый день являлся подобием предыдущего. Утром – официальный приём, ближе к полудню и до вечера – склоки и пересуды, не приводившие к единому решению, а вечером всеобщее возлияние сакэ, которое, вроде бы и примиряло всех, но то было лишь вечером, утром начиналось всё заново. Хотя, Наоэ, Хондзё, Усами и даже Шибата помогали Кагэторе во всём разобраться, ему всё равно оказались чужды всякого рода политика и мирские дела. Подливали масло в огонь и бывшие чиновники Уэсуги Сададзанэ. Особенно распалился Ямаёши Масахиса, который, совсем недавно, рьяно поддерживал восстание Уэда-Нагао. Ямаёши был недоволен тем, что новый сюго, мало того, что сам воин, так ещё и назначает на должности своих вояк-самураев, когда обыденными делами провинции должны заниматься более сведущие люди, так сказать – те, что ближе к народу.

Кагэторе конечно этот голословный и наглый человек не понравился, и он тут же разжаловал его и отправил на покой, доживать свои деньки дома у горящего очага. На его место, Кагэтора поставил его сына, двадцати восьми летнего Сандзюро Тоёмори, который, вовсю показывал лояльность своему даймё. Ко всему прочему, новоиспечённому чиновнику, был дарован замок Сандзё и, чтобы между Нагао и Ямаёши больше не возникало конфликтов, было решено поженить младшую сестру Тоёмори Оман и одного из вассалов Кагэторы. Сколько было красноречивых восклицаний и неприличных жестов, когда под всеобщий хохот объявили жениха.

– Чем я прогневал вас Кагэтора-сама?! – причитал Наоэ Кагэцуна. – Неужели вы больше не желаете видеть меня среди своих слуг?

– Прекрати Наоэ, будь мужчиной! – кричал кто-то из товарищей. – После свадьбы у тебя практически ничего не изменится, кроме того, что в твоём доме теперь будет лишь одна женщина.

Наоэ, немного поворчав, успокоился. Особенно, его настроение приподняло то, что его будущая жена была очень недурна собой, да к тому же обладала весьма милой улыбкой.

Но даже на этой счастливой нотке, злоклучения Кагэторы не окончились. Процесс разбора должностей, а вместе с этим и территорий продолжался. И не было бы этому конца, если бы из Касугаямы не прибыл гонец. Кагэтора тут же прекратил все свои дела, поручив их Наоэ и Хондзё, и удалился с этого злополучного собрания вместе с Усами Садамицу.

Переданное гонцом послание весьма взбудоражило Кагэтору и он, немедля приказал собираться в дорогу. Взяв с собой самых доверенных слуг, князь Нагао отбыл тем же днём и уже ближе к вечеру добрался до Касугаямы. Ёшиэ Кагэсукэ встретил господина у главных ворот замка и по дороге до дома канрэя, пересказал ему всё, что делал и говорил гость, пока находился в замке. Кагэтора поблагодарил своего каро и уже через недолгое время предстал перед Уэсуги в его доме, что выделялся специально для высокопоставленных гостей.

Норимаса выглядел величественно. В ярком придворном наряде и высокой шапке-эбоши. Рядом, на подставке, рукоятью вниз, стоял меч-таци, а за его спиной, на фусума, был изображён герб-мон, клана Уэсуги – две птицы, заключённые в кольцо, с широко расставленными крыльями летят друг навстречу другу. Канрэй вёл себя так, будто это он господин здесь и, на вежливый низкий поклон Кагэторы с вассалами, ответил лишь коротким кивком. У самых старых воинов, прибывших с князем, это вызвало слегка недобрые чувства, один из них даже презрительно хмыкнул. Кагэтора же был спокоен и невозмутим, как и всегда. Нельзя было сказать, какие ощущение вызвал у него Уэсуги, но то, что Нагао заинтересован было точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.